

Тышко С.В.

Куколь Г.В.

ИСПАНИЯ ГЛАЗАМИ ГЛИНКИ: ПУТЕШЕСТВИЕ И ОСТАНОВКА В ПУТИ¹

SPAIN AS SEEN BY GLINKA: TRAVEL AND STOPOVER

Аннотация. Статья представляет собой главу очередной книги из серии «Странствия Глинки». Пытаясь вжиться в контекст эпохи, наполнить смыслом давно забытые или малоизвестные понятия и образы, возникающие на страницах «Записок» Глинки, авторы акцентируют внимание читателя на восприятии Испании, сложившемся в культурно-художественной среде его современников. Тревелогии А. Дюма, В. Боткина, Р. Форда, Т. Готье, В. Ирвинга, П. Мериме, Ж. Санд, а также письма Ф. Шопена и Ф. Листа представляют собой не только неисчерпаемый источник данных об Испании, но и возможность почувствовать восторг первооткрывателей перед новизной и необычностью этой страны, остававшейся до середины XIX некоей terra incognita для большинства современников Глинки.

Abstract. This text is a chapter of the forthcoming book from the series entitled “Glinka’s Wanderings”. Trying to comprehend the spirit of the epoch and to give a meaning to the forgotten or little known ideas and images cropping up from the pages of Glinka’s memoirs, the authors explore texts by writers from different countries, depicting their reception of Spain. The travelogues of A. Dumas, V. Botkin, R. Ford, Th. Gautier, W. Irving, P. Mérimée and G. Sand, as well as the letters of F. Chopin and F. Liszt not only provide rich information about Spain, but also allow to sense the enthusiasm of pioneers in the face of new and uncommon land, which until the mid-19th century remained a kind of terra incognita for the most part of Glinka’s contemporaries.

Ключевые слова: Глинка, Испания, Странствие, Путь, тревелог.

Key Words: Glinka, Spain, Wandering, Way, travelogue.

Как будут довольны друзья вашей милости,
когда увидят, сколько прелестных вещей
вы привезли им из Испании!
П. Мериме. Письма из Испании

Так! отъезжать люблю порою,
Чтоб в самого себя войти
П.А. Вяземский. Коляска.
(Отрывок из путешествия, в стихах)

Случилось так, что Глинка въезжал в Испанию по пути св. Иакова, по-испански *Camino de Santiago*², – по дороге паломников, издревле известной всему

---

¹ Глава из книги «Странствия Глинки. Комментарий к “Запискам”. Часть III: Путешествие на Пиренеи или Испанские арабески». Книга, готовящаяся к печати, является продолжением книг: Тышко С., Мамаев С. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Ч. 1: Украина. К., 2000; переизд.: К., 2005; Тышко С., Мамаев С. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Ч. II: Глинка в Германии, или Апология романтического сознания. К., 2002.

² Другое название — *Camino Francés*. По этому пути шли паломники из разных стран Европы, лежащих к северо-востоку от Испании, к третьей по своей значимости (после Иерусалима и Рима) святыне Христианского мира — гробнице Св. Иакова, находящейся на крайнем северо-западе этой страны, в городе Сантьяго-де-Компостела.

христианскому миру. Все первые дни своего испанского путешествия в июне 1845 года, от французской границы до самого Бургоса, он продвигался по этой дороге, обозначенной на всем своем протяжении многочисленными памятными знаками и самыми разнообразными культурными реликвиями. По ней же летом 1847-го (только уже начиная с Памплоны) покидал Пиренеи³. Поэтому и сам путь Глинки по Испании приобретает глубоко символическое значение. Замечательно, что компаньона и попутчика, сопровождавшего Михаила Ивановича, звали Дон Сантьяго – *St. Jago*, как, бывало, именовал его Глинка в письмах⁴. Был ли в этом совпадении какой-то магический смысл – о том судить мы не можем. Но вот уж что совершенно ясно – так это то, что Михаил Иванович хорошо осознавал, по какой дороге идет: и в силу собственной ненасытной любознательности, и по рассказам своего испанского компаньона со столь уместным в данных обстоятельствах именем.

Однако обратим внимание на немаловажное обстоятельство: Глинка ни в «Записках», ни в переписке, ни единым словом не обмолвился о связи этой дороги с паломничеством, а это довольно странно – даже если принять во внимание то, что изучение христианских святынь, и тем более поклонение им, не было его целью. Правда, каких-либо значимых упоминаний о Пути Сантьяго не находим и в книгах путешественников – современников Глинки. Ни англичанин Ричард Форд в своём знаменитом путеводителе по Испании, ни француз Александр Дюма в путевых заметках «Из Парижа в Кадис» не уделяют ему сколько-нибудь пристального внимания. Причиной такого «полузабвения», очевидно, была постепенная секуляризация общественного сознания, приведшая уже в конце XVIII века к утрате интереса к столь длительным и изнурительным походам за отпущением грехов, как паломничество в далёкие страны⁵. И вышло так, что гробница св. Иакова к середине XIX столетия стала целью локального паломничества, не выходящего за пределы Испании.

Не менее символично и то, что самый первый путеводитель в Европе появился именно в связи с путём Иакова. В романе «Дневник мага» («Паломники») П. Коэльо даёт подробное его описание: «Благодаря французскому священнику Эмерику Пико, в 1123 году совершившему паломничество в Компостелу, этот путь и ныне в точности тот же самый, по которому в Средние века прошли в числе прочих Карл Великий, святой Франциск Ассизский, королева Изабелла Кастильская, а в наше время – папа Иоанн XXIII... Пико написал о своем путешествии пять книг, представленных как произведения папы Каликста II, ярого приверженца св. Иакова, а потому и получивших позднее название “*Codex Calixtinus*”... Пико перечисляет природные приметы, источники, больницы, постоялые дворы и города, которые встречаются на протяжении пути». Современные путеводители часто ориентируются на него, так как пешеходная дорога почти не изменилась за прошедшие столетия. Авторы одного из наиболее полных и профессионально составленных путеводителей по этим местам отмечают: «Многие приюты, которые в нём (*Codex Calixtinus*. – С. Т., Г. К.) названы, были вновь открыты за последние десятилетия, и... маршруты по Пути Якова, по крайней мере, для пешеходов, почти не изменились. Здесь время будто остановилось; кажется, будто в церквях, монастырях, селеньицах и приютах, на пере-

³ Поскольку здесь и далее ряд высказываний комментируется в книге, мы сочли возможным сохранить ссылки на комментарии, с соблюдением соответствующей нумерации. См. комм. 6, 88. В ссылках на комментарии после сокращения *комм.* указаны их номера арабскими цифрами.

⁴ ПСС, т. IIА, 222. Здесь и далее сокращение ПСС применяется к изданию: Глинка М. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка: В 2 т. М., 1973—1977.

⁵ Более того, сама церковь стала придерживаться более прагматических взглядов на времяпрепровождение паствы. Так, указом архиепископа Зальцбургского от 1787 года паломничества были запрещены как «пустая трата времени», ведущая к пренебрежению рабочими и домашними делами, как оправдание собственной лени и бездействия. — *Höllhuber Dietrich, Schäfer Werner. Der Spanische Jakobsweg. Landschaft, Geschichte und Kunst auf dem Weg nach Santiago de Compostela.* DuMont Verlag, 2004. S.13.

крёстках дорог, перед мостами, источниками и фигурами святых вдоль дороги вот-вот повстречаются люди из Средневековья»⁶. Вот почему и нам будет сравнительно легко восстановить картины природы, памятники культуры и искусства, открывшиеся перед глазами Глинки в его путешествии по этим святым местам. Заметим, что подлинное возрождение интереса к ним произошло лишь через несколько десятилетий после смерти Глинки, в связи с очередным обнаружением останков святого и изданием папской буллы, подтверждающей подлинность находки. Хотя нельзя сказать, что и во времена, предшествовавшие путешествию Глинки, о некогда знаменитом пути пилигримов совсем забыли. Например, Я. Потоцкий вспоминает об этой дороге как раз на рубеже веков Просвещения и Романтизма, в романе «Рукопись, найденная в Сарагосе»: его герой то решается на «путешествие к святому Иакову Компостельскому, ... чтобы получить как можно больше отпущений», то видит «вереницы пилигримов», идущих к гробнице, и присоединяется к ним. Да и вообще имя Святого Иакова еще долго связывалось с ментальностью испанцев. Вот что вспоминал русский публицист В. Боткин по поводу выражения «рай» в испанской интерпретации (правда, услышанный им от чичероне народный рассказ переносит действие из области сакральной в мирскую, политическую):

Сан-Яго (народный святой в Испании) по смерти своей предстал пред богом, который, довольный его земными подвигами, говорит ему, что исполнит все, о чем он будет просить его. Сан-Яго просит, чтобы бог даровал Испании богатство, плодотворное солнце, изобилие во всем. – Будет, – был ответ.

Храбрость и мужество народу, – продолжал Сан-Яго, – славу его оружию. – Будет, – был ответ. – Хорошее и мудрое правительство...

Это невозможно: если ко всему этому в Испании будет еще хорошее правительство, то все ангелы уйдут из рая в Испанию⁷.

Нам уже приходилось писать о том, какое значение Путь (в самом высоком смысле этого слова) приобретал в странствиях Глинки: ссылаясь на Милана Кундери, мы говорили о дороге как гимне пространству (в отличие от шоссе – победного обесценивания пространства). К этому вопросу мы возвращаемся во второй главе книги. Сейчас же приведем высказывание П. Коэльо из романа «Дневник мага» («Паломничество»), ценное уже тем, что сделано как раз по поводу пути св. Иакова:

Когда движешься к цели, – ...очень важно обращать внимание на путь, которым следуешь. Путь – именно путь – всегда подсказывает нам наилучший маршрут и обогащает нас, когда мы одолеваем его.... То же самое – и цель, которую ты преследуешь. Она может оказаться лучше или хуже – в зависимости от того, какой путь избрал ты для достижения ее, и от того, как ты пройдешь по этому пути...

Нечто подобное сказала Е. Костюкович (постоянная русская переводчица романов и эссе Умберто Эко) в отношении Италии – страны, которую Глинка, как и Испанию, объездил вдоль и поперек:

Италия вся путь. В лучших фильмах XX века – у Феллини, у Пазолини, у Антониони – овладение Италией происходит через метафору дороги. Столицы у этой страны нет. Рим нужен населению мира, но для Италии он не авторитетен. Рим – это конец маршрута, а не начало похода⁸. Овладение Италией – движение, унаследованное от столетий пилигримства. Это движение повсюду, это движение пешком, на велосипеде, на автомобиле. Так двигались в Средние века: с остановками, днёвками, ночёвками, пикниками, с осмотром достопримечательностей и пробованием спецпродуктов и спецблюд. Наматывая на кардан километры, наматывая на вилку «спагетти»,

⁶ Höllhuber Dietrich, Schäfke Werner. Der Spanische Jakobsweg... Op.cit. S. 14.

⁷ Боткин В.П. Письма об Испании / Издание подгю: Б.Егоров, А.Звигильский. Л., 1976. С.19.

⁸ То же самое можем с полной уверенностью сказать и о месте Мадрида в Испании (комм. 21).

удаётся постичь Италию, а заодно – кто знает, вдруг и правда? – избавить свою душу и совесть от любых грехов⁹.

Именно так – с днёвками, ночёвками, и нередко пешком, – путешествовал Глинка по Испании. Отсюда ясно, что нам совершенно недостаточно описывать лишь творческие или жизненные цели Глинки в Испании – будь то «Арагонская хота», обработки народных песен или пополнение культурного кругозора. Или замечать лишь Мадрид (из двух полных лет, проведенных в Испании, Глинка жил в ее столице никак не более 10—11 месяцев!) и «проскакать», как по шоссе-автобану, мимо Испании провинциальной, повседневной, многоликой. По той же причине идея Пути, или же идея Странствования станет ключевой для понимания испанского путешествия Глинки.

Казалось бы, все основания для такого подхода дает сам текст «Записок». И это действительно почти так, но все же не совсем. Проблема состоит в том, что если глинкинские мемуары и являются травелогом (т. е. книгой путешествий)¹⁰, то все же «неполным». Ведь Глинка в мемуарах обо многом умалчивает! Причин здесь несколько: и нежелание перегружать «Записки» излишними деталями, и элементарная нехватка времени, и, возможно, деликатность в отношении ряда вопросов, особенно политических (принимая во внимание, конечно, и наличие цензуры, которую Глинка никак не мог игнорировать¹¹). Мало говорится в мемуарах о собственно музыкальных намерениях композитора (об этом мы узнаем в основном из писем) – ведь понятно, что через десять лет после путешествия эти планы или уже были осуществлены («Арагонская хота» и «Ночь в Мадриде»), или же вовсе не собирались свершаться (как, например, замысел некоей оперы то ли по-испански, то ли по-итальянски, но на испанском материале¹²). Сведения об испанских маршрутах Глинки подчас очень лаконичны, а иногда и недоступны, если исходить лишь из текстов его «Записок» либо эпистолярия. Вообще же Михаил Иванович предпочитал молчать о том, что и так было хорошо известно¹³, и говорить в мемуарах и в письмах лишь о том, что по каким-то причинам привлекло его внимание. Поэтому испанские страницы «Записок» нуждаются во внимательном и глубоком изучении в самых разнообразных направлениях: историческом и историко-культурном, политическом, географическом, биографическом, психологическом, музыковедческом и проч. Каждая деталь здесь важна! Только так можно составить целостное и полноценное представление о той значительной части жизни Глинки, которую он провел в Испании. Ведь и сам Михаил Иванович прожил эти годы, словно выполняя программу, на которую лишь намекнул Проспер Мериме в повести «Кармен»: «Когда путешествуешь, надо видеть всё!» (Вот эта программа в более развернутом виде, устами того же Мериме: «В чужой стране каждый из нас обязан все видеть, а потому всегда испытываешь опасение, что из-за минуты лености или отвращения пропустишь любопытную черту нравов»¹⁴).

⁹ Костюкович Е.А. Еда: итальянское счастье. М, 2007. С. 120.

¹⁰ В другой транскрипции – «тревелог».

¹¹ Особую осторожность в этом смысле могло вызывать и то, что дипломатические отношения России и Испании в этот период были «заморожены» (комм. 5).

¹² См.: ПСС, т. IIА. С. 196, 203, 210.

¹³ Комм. 46.

¹⁴ Мериме П. Письма из Испании // Собр. соч.: В 4-х тт. Т. 2. М., 1983. С. 115. В этой связи П. Пичугин в замечательной статье «Глинка и Испания» высказался следующим образом: «Глинка ехал в Испанию не путешественником-туристом, а пытливым и любознательным художником, которого интересовало все – не только народная музыка (хотя, конечно, она в первую очередь), но и природа страны, ее пейзажи, города, архитектурные памятники, народный быт, местные нравы и обычаи. Описания всего увиденного и услышанного, меткие и живописные, как всегда у Глинки, зарисовки встречаются в его «Записках» и письмах на каждом шагу». – Пичугин П. Глинка и Испания // Альманах / Редактор-составитель М.П. Рахманова. Вып. 2. М., 2003. С. 217. Мы же только добавим то, о чем в «Странствиях Глинки» сказано неоднократно: Михаила Ивановича, как и многих романтиков, начал угнетать туризм в общепринятом и доньне смысле этого слова, пыльным цветом ставший расцветать как раз ко времени его путешествия в Испанию.

Учитывая все это, приходится писать книгу путешествия по Испании за Глинку, как бы «воссоздавая» предполагаемый полный текст. В этой связи примечательно, что один из рецензентов первой части «Странствий Глинки» когда-то написал: «Фактически Тышко и Мамаев мастерски создали тревелог за самого Глинку»¹⁵. Не игнорируя, конечно, того, о чем Михаил Иванович действительно высказался в «Записках» или в письмах, мы стремимся воссоздать те его наблюдения и впечатления, о которых он по каким-либо причинам умолчал. То есть – в какой-то мере занимаемся реконструкцией текста глинкинских мемуаров. Поэтому нам столь часто приходится говорить голосами то Вашингтона Ирвинга, то Александра Дюма, то Василия Боткина, то Ричарда Форда. Иногда даже казалось, что книга буквально пестрит их высказываниями, и мы опасались, не будет ли это раздражать читателя. Но по трезвом размышлении решили, что деваться все равно некуда: во-первых, о достопримечательностях страны Дон Кихота едва ли скажешь лучше, чем они; во-вторых – эти писатели были талантливы каждый по-своему, но все были романтиками, как и Глинка; и, наконец, именно поэтому никто, кроме них, не мог точнее высказаться на темы, которые интересовали и Михаила Ивановича, – ведь все они были современниками и вдобавок людьми одного круга, их взгляды, хотя и различались, но обладали некоей общностью, продиктованной воспитанием, характером общения, самим духом времени. Поэтому так поразительно похожи подчас их мысли об одном и том же, увиденном или услышанном в Испании, и голос Глинки иногда звучит просто в унисон то с Боткиным, то с Фордом. Мало того: существует опасность, что партия автора «Испанских увертюров» и вовсе может потонуть в общем хоре романтической оды Испании. Правда, голос Глинки до того самобытен, что не может не выделяться даже на таком блестящем фоне замечательным своеобразием – меткими и нестандартными характеристиками народа, культуры и ландшафтов Испании. Но он постоянно нуждается в режиссерской «подзвучке»: дело в том, что письма Глинки из Испании дошли до нас далеко не полностью; дневник, который Глинка там вел, похоже, утерян безвозвратно, а известный «Испанский альбом» никак не может претендовать на полноту выражения мыслей самого Глинки; вдобавок какие-либо воспоминания современников об испанском периоде жизни композитора практически отсутствуют. Последнее вполне понятно – с одной стороны, мало кто из соотечественников Глинки добирался тогда до Испании, да он, кстати, вообще был первым из русских художников, достигшим Пиренеев. Вплоть до путешествия Глинки русские в Испании были гостями крайне редкими, даже экзотическими. Среди таковых можно назвать князя Д.И. Долгорукова, служившего в русской миссии в Мадриде и много общавшегося с великим испанистом Вашингтоном Ирвингом (комм. 43) и, конечно же, В.П. Боткина, путешествовавшего в тех краях одновременно с Глинкой. У Боткина, между прочим, анадальские контрабандисты, узнав, что он русский, не преминули спросить, «длится ли в России зима целый год». Характерно, что подобная «прелесть узнавания» продолжалась в испано-русских отношениях и много позже. К примеру, писатель Д.А. Мордовцев, посетивший Испанию в 1883 году, «пришел в восторг от портрета русского посла П.И. Потемкина, написанного Карреньо де Миранда, и вдруг крикнул по-испански: «Я русский из Москвы», что заставило его проводника вскочить от такого невероятного известия»¹⁶. Следует заметить, что и испанцы появлялись на родине Глинки ненамного чаще, чем русские в их стране.

С другой стороны, испанцы из круга общения Глинки в то время еще не считали необходимым оставить какие-либо письменные свидетельства его пребы-

¹⁵ Біленький С. Мандрувати й описувати: биті шляхи культури під імперським поглядом // Критика. 2001. № 6. С. 26.

¹⁶ См.: Звигильский А. Творческая история «Писем об Испании» // Боткин. В.П. Письма об Испании. Л., 1976. С. 293.

вания в их стране, кроме кратких и немногочисленных записей в «Испанском альбоме», хотя, конечно, и среди них попадаются теплые слова романтиков, весьма известных в то время, – например, композитора Себастьяна Ирадьера или писателя Виктора Балагера (комм. 20, 22, 24).

Но перед нами возникает важнейший вопрос: зачем Глинка вообще ездил в Испанию, почему так туда стремился, что хотел привезти с собой с Пиренейского полуострова? Казалось бы, ответ ясен: главной целью поездки был творческий результат, новые и оригинальные сочинения, которые появятся и во время путешествия, и позже, как его итоги. Собственно говоря, для биографа, тем более музыковеда, такой ход событий представляется едва ли не оптимальным (если речь, конечно, идет о личности художника высокоодаренного, тем паче гениального), и уж во всяком случае сама мысль об этой цели-результате всегда является желанной и «согревающей». Исходя из этого критерия и оценивали испанское путешествие Глинки все его жизнеописания. Да и современники ожидали от этой поездки Глинки «богатых последствий», «еще одной оперы» и т.п.¹⁷ Казалось бы, тут все верно, и сам Михаил Иванович неоднократно подтверждал подобный взгляд. Еще до поездки он без оговорок заявлял, что имеет «художественную цель в Испании», что «это путешествие чисто художественное, оно несомненно обогатит... новыми и оригинальными впечатлениями», а в самом его начале утверждал, что музыка вообще является для него главной целью: «В музыкальном отношении представляется множество любопытного, но отыскивать... народные песни нелегко; еще труднее уловить национальный характер испанской музыки – всё это дает пищу моему беспокойному воображению, и чем труднее достижение цели, тем я, как всегда, упорнее и постояннее стремлюсь к ней»¹⁸. Однако примечательно и продолжение этого высказывания: «Сверх того, Испания так любопытна, что в эти десять месяцев, кои намерен провести здесь, едва ли успею осмотреть то, что предполагал»¹⁹. Это уж совсем не только о музыкальных занятиях и даже, возможно, вовсе не о них! И ведь в письмах Глинки неоднократно сталкиваешься с подобными мыслями. Еще будучи в Париже, он писал: «Мое воображение не перестанет тревожить меня, пока не побываю в этом любопытном для меня крае»²⁰. А во время испанского путешествия словно продолжал: «Неугомонное воображение требует новых занятий»²¹. То есть Глинка неоднократно подчеркивал: ему любопытна сама страна, люди, ландшафты и проч. Он словно намекал, что сочинительство было далеко не единственным смыслом пребывания в Испании²²!

И действительно, если мы обратимся к фактам творческой биографии, даже лежащим на поверхности, то окажется, что за время всего пребывания на Пи-

¹⁷ Иллюстрация. 1846. №1.— Приведено по: Летопись жизни и творчества М.И. Глинки / Сост. А. Орлова. М., 1952. С. 325. Н. Кукольник писал, что «пребывание Глинки в Испании будет поводом, что и этот поэтический край получит свою национальную оперу из рук русского композитора». Иллюстрация. 1846. № 9. – Цит. по: Летопись жизни и творчества М.И. Глинки...Цит.изд. С. 327.

¹⁸ ПСС, т. IIА, С. 186, 213, 229. Нельзя сказать, что подобные мысли были «заброшены» Глинкой и на всем протяжении испанского путешествия. Так, в сентябре 1845 года он писал матери: «Надеюсь даже здесь, в отдаленной земле, найти новое поприще для музыкальных предприятий». – ПСС, т. IIА, С. 239.

¹⁹ ПСС, т. IIА. С. 229.

²⁰ ПСС, т. IIА. С. 180.

²¹ Там же. С. 241.

²² Б. Асафьев писал, что у Глинки наблюдается «чисто эгоистическая блестяще оригинальная хватка жизни...», что он «впитывает в себя вино жизни», что «центр “послеруслановской” эпохи жизни Глинки – поездка в Испанию с исключительной целью ощутить жизнь в ее еще неизведанной картинности»; и эта «хватка» была «средством концентрации впечатлений для того, чтобы... в претворенном виде возвращать их жизни в сугубо сплоченном, конденсированном сочетании образов, в синтезе острых восприятий». – Игорь Глебов. Франц Лист. Опыт характеристики. Петроград, 1922. С. 18–20.

ренях Глинка написал только одно законченное сочинение – «Арагонскую хоту»! Вторая испанская увертюра, «Ночь в Мадриде», и «испанский» романс «Милочка» здесь не в счет, потому что были созданы уже после испанского путешествия, хотя и под несомненным его влиянием. Что же касается многочисленных записей и обработок испанского фольклора, то это все-таки очень специфическая область музыкальной деятельности²³, и ее трудно сравнивать с операми, симфоническими, фортепианными произведениями или романсами. Добавлю, что ни одно сочинение Глинки ни разу не было исполнено в Испании для «большой» публики – за исключением трио из «Жизни за царя», которое все-таки предположительно прозвучало в придворном концерте (комм. 74). «Обо всем этом он без сожаления... упоминает в "Записках". Жажда нового оказалась сильнее», – замечала в этой связи О. Левашева, да и Асафьев заключал, что «сочинено немного»²⁴. И этого, конечно, просто физически мало для двух полных лет жизни в Испании, зная хотя бы среднюю интенсивность глинкинского творчества. Не будем забывать, что испанское путешествие – второе по продолжительности (после Италии) непрерывное пребывание Глинки в какой-либо стране! Сопоставим испанский опыт хотя бы с итальянским: за неполных три года в Италии были созданы парафразы на темы из опер в разных формах и для различных инструментальных составов, несколько романсов (одна «Венецианская ночь» чего стоит!), Секстет и масштабное по музыкальной мысли «Патетическое трио». Создается впечатление, что иллюзия постоянного «творческого горения» в Испании, любовно поддерживаемая (словно в оправдание Михаила Ивановича) сочувствующими современниками и практически всеми исследователями-биографами, все же не вполне выдерживает испытание фактами²⁵.

Невольно задаешься вопросом: не было ли испанское путешествие, как это ни парадоксально звучит, своеобразной остановкой в пути, годами некоей душевной и телесной «рекреации» (чем-то вроде длительного отпуска в нашем понимании этого слова), временем собирания впечатлений и накопления творческих сил? При этом художественная реакция была не непосредственной, а «отложенной», как это случилось, кстати, полтора десятка лет назад все в той

²³ Не будем забывать и мнение по этому поводу Б. Асафьева, считавшего, что, несмотря на тенденцию «уловить в записи интонационные особенности, ...все-таки это скорее зарисовки для памяти, под свежим впечатлением», а «остальное – подробности – еще помнилось» (Асафьев Б. Глинка. М., 1950. – С. 101). Комментаторы ПСС подводят итог этого направления творческой деятельности: «Глинка вывез из Испании много испанских напевов. Число их не исчерпывается теми семнадцатью записями, которые находятся в... нотной тетради (РНБ, ф. 190, № 12). К ним следует прибавить тему испанского марша, данную Глинкой Балакиреву, а последним использованную в его известной увертюре. Глинка сам опубликовал в издательстве В. Деноткина испанский танец "Las Mollages" в переложении для фортепиано... Из Испании Глинка вывез музыку очень понравившегося ему танца «Халео де Херес», сочиненного чехом Скождополем, которую он также опубликовал в России в одном из музыкальных альбомов, изданном А.П. Лоди... Сохранились записи испанских пьес, сделанные доном Педро. Музыкальное наследие, вывезенное Глинкой из Испании, до конца еще не изучено» (ПСС, т. IIА, с. 282 – 283).

²⁴ Левашева О.Е. Михаил Иванович Глинка: В 2-х тт. Т. 2. М., 1988. С. 184; Игорь Глебов. Франц Лист... Цит.изд. С. 19.

²⁵ Полезно в этой связи обратить внимание на очень показательную деталь. Уже во время путешествия Глинки стал заметно смещаться сам тонус ожиданий в Петербурге: «Кажется, его удерживают там (в Испании. – С. Т., Г. К.) не одни обворожительные мелодии, но и теплый климат, необходимый для его расстроенного здоровья». – Литературные прибавления к «Нувеллисту». 1846. № 2. Цит. по: Летопись жизни и творчества М.И. Глинки... Цит.изд. С. 326. А дальше, к концу пребывания Михаила Ивановича на Пиренеях, еще более откровенно: в марте 1847 года журнал «Иллюстрация» сообщал, что ходят слухи о возвращении Глинки, и что «он, конечно, не привезет с собой ни драматической симфонии, ни полифонической драмы, но зато придет с запасом... светлых, новых, упоительных мелодий, которых не вычерчивает перо, а слагает музыкальная душа композитора (выделено нами. – С. Т., Г. К.)». – Иллюстрация. 1847. № 8. Цит. по: Летопись жизни и творчества М.И. Глинки... Цит.изд. С. 334. Нельзя не заметить в этом высказывании, при всем его оптимизме, и долю скепсиса по поводу испанских достижений русского композитора.

же Италии²⁶; она отозвалась художественным «взрывом» буквально год-два спустя и проявила себя как в сочинениях на испанскую тему или с испанскими интонациями, так и в музыке, которая Испании совсем не касается.

Прямым отзвуком Испании, конечно же, была увертюра «Воспоминание о летней ночи в Мадриде» («Воспоминания о Кастилии») ²⁷. Но были ведь и более завуалированные, косвенные связи творчества с испанской эпопеей. К примеру, не сказала ли испанская привычка к инструментальной импровизации в народном стиле уже во время пребывания в Польше на характере оркестрового интонирования в «Камаринской» (осень 1848-го)? И не беда, что в испанских импровизациях (кстати, неоднократно повторенных и по пути, и по возвращении на родину) доминировала гитара в сопровождении фортепиано, а в звучании плясовой уже оркестр усердно подражает балалаечному наигрышу в импровизационном развертывании мелодии! А фортепианная пьеса «Молитва», родившаяся из импровизации (1847) и впоследствии ставшая романсом? А замечательные романсы, созданные в Польше в 1848 году, – «Слышу ли голос твой» на слова М. Лермонтова и «*Rozmowa*» на текст А. Мицкевича? Между прочим, последний, в духе мазурки, вместе с «испанским» романсом «Милочка» (1847), сочиненным на тему хоты, в который раз подтверждает справедливость слов В. Соллогуба о том, что Глинка «в музыке польской... явился более поляком, чем поляки, в итальянской он становился действительным итальянцем, в испанской от него так и веяло Гвадалквивиром и обаянием Севильи»²⁸. Да и кто знает, не был ли новый всплеск лирико-романтических эмоций в окончательной оркестровой версии «Вальса-фантазии» (1856) каким-то, пусть и несколько «запоздалым», отзвуком испанских любовных переживаний? Тем более, что воспоминания об Испании еще долго продолжали тревожить Глинку после поездки – причем в безусловно лирико-любовном преломлении. Ведь не случайно в мае 1849 года он писал М.С. Кржисевич (Задорожной), к которой был равнодушен еще со времен поездки на Украину 1838-го года, предлагая «встретиться и пожить вместе в климате более благонадежном»: «Кстати, о Испании скажу вам, что я провел там два года из лучших в моей жизни. Видел много любопытного и поэтического. Андалузские резвы, забавны, недурны и славно пляшут и поют. Но... я нахожу сходство между Андалузией и Малороссией не только в отношении физической природы и обычаев, но и в отношении к характеру и красоте женщин. Выразительность взора, роскошные волосы, живость, пылкость, детская резвость, с доброй и благородной душой, – всё это встретишь у вас, может быть, еще в более превосходном развитии. Я уверен, что если бы я мог снова увидеть вас на берегах Ворсклы или Сейма, муза моя, давно уже дремлющая, снова бы пробудилась и что с избытком бы вознаградила меня за потерянное время»²⁹. Надо сказать, что в прекрасных андалузках Михаил Иванович действительно знал толк – но об этом в свое время.

Стоит ли сомневаться в том, что Глинка стремился повторить свое путешествие за Пиренеи? Более того, летом 1852 года он был как никогда близок к осуществлению этой мечты! Планы были самые радужные. «Я намерен пожить в Испании до совершенного (буде возможно) излечения», – писал он В.В. Стасову³⁰.

²⁶ Однако в Италии эта цикличность рекреативных и творчески насыщенных фаз охватывала краткие периоды, регулируемые сменой времен года. – См.: *Тимченко И.* Глинка в Италии, или Времена года (об одной особенности творчества) // *Київське музикознавство: Збірка статей.* К., 2000. Вип. 5. С. 193–197. Хотя Италия, конечно же, вызывала и отложенную на более длительный срок творческую реализацию – прекрасным примером может стать «русское бельканто», сформировавшееся в опере «Руслан и Людмила» почти через 10 лет после итальянского путешествия. – См. подробно: *Тышко С.* Проблема национального стиля в оперном творчестве Глинки. «Руслан и Людмила» // *Очерки по истории русской музыки.* К., 1995.

²⁷ I ред. – 1848, II ред. – 1851. Комм. 25.

²⁸ *Соллогуб В.А.* Пережитые дни. Рассказы о себе по поводу других // *Повести. Воспоминания.* М., 1988. С. 388.

²⁹ ПСС. Т. IIА. С. 287–288.

³⁰ Там же. С. 329.

И уточнял свой маршрут в письме Л.И. Шестаковой – правда, уже с ощущением некоторого беспокойства: «Вечером, около 8 часов, выезжаем из Парижа (*si dios quiere*³¹) – в Лион, Авиньон, Монпелье, Тулузу и т. д. до Пиренеи в Испании. До сих пор все благополучно, но, признаюсь, хлопотно и беспокойно,— постарел, хочется скорее на место... Здесь теперь так душно, что желудок служить отказывается,— путешествие поправит дело»³². Глинка тогда действительно очень спешил в Испанию, но, по его словам, «судьба определила иначе». Что же развернуло Михаила Ивановича обратно, в сторону Парижа, когда он был почти у цели и, по собственному признанию, уже «видел Средиземное и Пиренеи»³³? В «Записках» он кратко выскажется по этому поводу буквально через пару лет: «Бесперывные страдания отвратили меня от намерения ехать в Испанию, и я решился возвратиться в Париж»³⁴. Точнее о причинах фиаско с новым путешествием узнаем из письма сестре: «*Rien n'est plus sûr que l'imprévu*³⁵. Вместо Мадрида я снова в Париже...? Еще перед выездом желудок и нервы начали шалить. Воображая, что путешествие поправит дело, я пустился с Педрушей в путь, и мы были в Лионе, Авиньоне, Монпелье, Тулузе, но чем далее, тем хуже, и я в отчаянии... решился возвратиться в Париж... Скажу откровенно, что веселая Испания мне не по сезону»³⁶. В письме А.Н.Серову Глинка дает еще одно уточнение: «...Хворал во время пути столь часто, что мною овладел сплин и ностальгия по своим – повернул оглобли, и не раскаиваюсь до сих пор»³⁷.

Как бы там ни было, но выходит, что, покидая Испанию летом 1847 года, Глинка навсегда прощался со Средиземноморьем – благословенной Медитерранией: больше он никогда не попадет в столь милые ему теплые южные страны. Недаром ведь он пророчески судил об Испании: «Может быть, это последний оазис в моей жизни»³⁸. А с чем он прощался навсегда, станет яснее из высказывания Боткина, предугадывающего скорое расставание с полюбившейся ему страной: «Я здесь провожу целые часы, погруженный в самую отрадную, безотчетную задумчивость... Да! Ярче, чем апельсиновые рощи Палермо, чем берега Неаполя, будут жить в моей душе эта равнина Гранады, обставленная горами, эти холмы Альамбры и Хенералифе, в густой растительности которых играют тоны южной и северной природы, и Сиерра-Невада с своим снеговым пологом и радужными переливами отлогостей. А закат солнца с Хенералифе – какое солнце и какая картина!»³⁹. Здесь были бы к месту слова из драматической поэмы А.К. Толстого «Дон Жуан»:

Так и наш, о Испания,
Я кончаю союз
И с тобой, без прощания,
Навсегда расстаюсь!

Итак, Испания, как мы полагаем, в значительной мере стала для Глинки местом «отдохновения от трудов», от казавшейся уже рутинной композиторской деятельности (усталость?), от иногда нечеловеческих усилий по ее «продвижению». Страна за Пиренеями была для него местом лечения, успокоения, приобретения душевного равновесия.

Но было ли от чего лечиться и успокаиваться? Ответ может быть только утвердительным, и чтобы он был вполне обоснованным, приглядимся внимательно к тому, что происходило с Глинкой в годы, непосредственно предше-

³¹ Если бог даст (*исп.*). Использование здесь испанского языка показательно само по себе!

³² ПСС. Т. IIА. С. 341.

³³ ПСС. Т. I. С. 344; Т. IIА. С. 345.

³⁴ ПСС. Т. I. С. 344.

³⁵ Непременно сбывается только непредвиденное (*франц.*).

³⁶ ПСС. Т. IIА. С. 342.

³⁷ Там же. С. 345.

³⁸ Там же. С. 255.

³⁹ Боткин. В. П. Письма об Испании. Цит.изд. С. 187.

ствовавшие путешествию. Оказывается, поездка в Испанию была в этом смысле совершенно необходимой – после мучительного и многолетнего бракоразводного процесса, после почти всеобщего непонимания «Руслана» и неудач с его постановками на родине, после почти года парижского «сидения» в тщетном ожидании Листа и в чем-то приятных, а в чем-то и суетных хлопот по поводу исполнения в Париже собственных сочинений... Все это создавало неблагоприятный фон вокруг петербургских и парижских впечатлений самого последнего времени: понятно, что накануне путешествия в землю Дон Кихота Михаил Иванович находился не в самом радостном душевном и не в самом здоровом физическом состоянии. Сам же он в письме к матери высказался по этому поводу совершенно определенно: «Сравнивая тихую, но приятную жизнь в Испании с тревожною жизнью в Париже и Петербурге, припоминая досады и огорчения, коими был окружен там, благодарю бога и вас, милая маменька, за то, что, наконец, нашел приятное и мирное убежище. Если я здесь иногда страдаю – это большею ч[астью] от грустных воспоминаний, кои еще не совсем изгладились из моей памяти... Я здесь на чужбине буду с любовью и признательностию вспоминать о вас и успокаивать вас моими письмами»⁴⁰. Почему все так случилось и какое чудодейственное средство нашел Глинка в Испании?

Обратимся сначала к петербургским переживаниям сороковых годов. Едва ли не важнейшей их причиной был затянувшийся на годы бракоразводный процесс. В Петербурге Глинку одолевала боязнь оказаться «взаперти», подстегиваемая действительно взятой у него подпиской о невыезде. По этой причине у него даже сформировалась своеобразная «географическая клаустрофобия», хорошо заметная в письмах к матери. В посланиях Глинки из Парижа подобные мысли даже становятся чем-то вроде лейтмотива. Несколько раз он пишет о своих переживаниях – о том, что «не в силах решиться отдать себя на муку всем пыткам, кои переносил столь долгое время», что «доведен был обстоятельствами до такой степени, что тяготился жизнью», что его «устрашает одна мысль вернуться в Россию», что любое напоминание о бракоразводном процессе может его «встревожить... до отчаяния». А П.А. Бартеновой и вовсе с каким-то надрывом сообщает, что о Петербурге без ужаса не может помыслить, — «все мучительное прошедшее живо возобновляется в... памяти». И приходит к выводу, что «был три года пленником в Петербурге», чувствуя, что ему «уже... не вырваться потом за границу», и задаваясь вопросом: «В силах ли я буду хладнокровно перенести все огорчения и досады, кои меня ожидают в отечестве?»⁴¹. Ту же тему Глинка охотно продолжает и в Испании. Вскоре по прибытии в Мадрид он пишет В.И. Флэри: «Этот город (Петербург. – С. Т., Г. К.) был ареной моих успехов и моих несчастий, — я забыл о триумфах, но горе оставило в моем сердце такой глубокий след, что я никогда, никогда больше не смогу жить в С. Петербурге спокойно. Прибавьте сюда еще и этот злополучный процесс (который, вероятно, так никогда и не кончится), — источник моих забот, огорчений и волнений... Благо разумнее было бы воспретить мне въезд в Россию до тех пор, пока время хорошенько не утишит мои душевные страдания... Нельзя шутить с тем состоянием, в которое я время от времени впадаю. Отдалиться от мест, связанных с печальными воспоминаниям, переменить окружающую обстановку и много работать – вот одно-единственное лекарство от нравственных страданий. Все это Испания мне предоставляет и только здесь я смогу спастись во второй раз». Приблизительно о том же повествует матери (уже из Гранады): «...Сильно желаю повидаться с вами и столько же опасуюсь возвращения на родину... По моим обстоя-

⁴⁰ ПСС. Т. IIА. С. 248.

⁴¹ ПСС. Т. IIА. С. 177, 192, 201, 218. Приведем выдержку из еще одного парижского письма: «...Не желал бы возвратиться в Россию, не излечась совершенно от моих сердечных страданий. И если в это путешествие я в этом не успею, какова будет моя жизнь впоследствии? ». – ПСС. Т. IIА. С. 180—181.

тельствам нельзя ожидать ничего хорошего; ...обязуют снова подпискою о невыезде из столицы. Итак, посудите сами, как мне не опасаться и, с другой стороны, не желать хоть годик еще подышать свободно»⁴².

Заметим, что именно в Испании Глинка узнал о прекращении мучительного бракоразводного процесса. Синод вынес решение о расторжении брака Глинки с его женой 14/26 мая 1846 года, но весть об этом дошла до Михаила Ивановича лишь зимою 1846/47 года, в Севилье. И только после этого, летом 1847-го, Глинка вернулся в Россию⁴³.

Конечно же, негативный эмоциональный фон в Петербурге сгустился и из-за неудач с постановками опер Глинки на родине⁴⁴. Все это не укрылось от внимания его петербургских знакомых. Серов, вспоминая о периоде, непосредственно предшествовавшем отъезду за границу, замечал, что Глинка все это время был не в духе, «пасмурен, даже мрачен»⁴⁵. Не способствовал поправке здоровья, душевному равновесию Михаила Ивановича и неоднократно помянутый недобрым словом климат Санкт-Петербурга: «Сырой и непостоянный климат, домашнее заточение в течение большей части года, связанные с этим заболеванием,— все это еще не единственные причины, по которым я страшусь С. Петербурга», — писал он из Испании⁴⁶. В данном случае путешествие в очередной раз рассматривалось как освобождение: «Здоровье мое не выносит сырости, холода и осьмимесячного заключения в комнатах»⁴⁷.

Вообще же критика петербургской жизни во время второго путешествия за границу чем-то напоминает инвективы, исходившие от Глинки в адрес этого города во время поездки 1838-года на Украину⁴⁸. С той лишь разницей, что от бывлой раскочки стремлений — то в милую сердцу Малороссию, то в российскую столицу — не осталось и следа: добрых слов о городе, из которого убежал в Испанию (через Францию), ни в тексте соответствующего периода «Записок», ни в письмах того времени найти не удастся. Видать, сильно он Глинке опостылел...

Что же до Парижа, из которого Глинка, собственно, и уезжал в Испанию (комм. 1, 4), то он никак не смог устранить «петербургскую» депрессию — даже несмотря на бесспорные удачи с исполнением ряда сочинений и известную панегирическую статью Г. Берлиоза. Скорее французская столица добавила новые негативные переживания. И ведь не случайно через многие письма Глинки пройдет противопоставление Парижа и Испании (в пользу последней, конечно) по самым разным направлениям — от общего характера страны и климата до людей, ее населяющих.

Во-первых, в высказываниях Глинки хорошо заметна «исчерпанность» для него Парижа в творческом отношении — во всяком случае, ко времени отъезда в Испанию. Напомним, что он решился покинуть Францию только тогда, когда убедился, что не дождется там Листа, на приезд которого возлагались немалые надежды. Настроение Глинки по этому поводу прекрасно выразил он сам в письме к матери от 4 мая 1845 года: «Досадно то, что... нечего мне делать теперь в Париже, я получил все, что мог, т.е. удовлетворено любопытство и любозна-

⁴² ПСС. Т. IIА. С. 246—247, 256.

⁴³ См.: Летопись жизни и творчества М.И. Глинки... Цит.изд. С. 328; ПСС. Т. I. С. 329. Комментаторы «Записок» интерпретировали этот факт совершенно однозначно: «Глинка предполагал вначале вернуться в Новоспасское месяца на два для свидания с матерью. Но страх, что его вновь обяжут подпиской о невыезде из России, заставил его отказаться от этого намерения и продлить пребывание в Испании еще на год. В Россию он возвратился только после того, как в Синоде брак его с Марией Петровной был расторгнут». — ПСС. Т. IIА. С. 247. Вместе с тем, задержка Глинки в Испании еще на один год, как нам представляется, была обусловлена целым комплексом причин (комм. 36).

⁴⁴ Левашева О.Е. Михаил Иванович Глинка. Цит.изд. Т. 2. С. 147.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ПСС. Т. IIА. С. 246.

⁴⁷ Там же. С. 241.

⁴⁸ См.: Тышко С., Мамаев С. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Ч. 1: Украина. Цит.изд.

тельность, а также и самолюбие, сколько того мне можно было требовать... Сейчас по получении денег отправляюсь в Испанию»⁴⁹. Объясняя, почему он ничего не пишет для Парижа, Глинка называет причину: «Французский язык, восхитительный в устах милой женщины, по-моему – отвратителен в большой опере. Я должен был отказаться от намерения издать несколько романсов в французском переводе. Сверх того, зависть, интриги таковы, что мне бы никогда не добиться до представления, если бы и написал что-либо для Парижа; и если меня допускают участвовать в концертах, – это потому, что кричу во всеуслышание, что я в Париже *oiseau de passage* (перелетная птица)»⁵⁰. (Следует заметить, что и по-испански Глинка впоследствии тоже ничего не написал – ни оперы, ни романсов). В конце концов, Михаил Иванович пришел к совершенно определенному выводу: «Как артист, я не могу ограничиться одним Парижем»⁵¹.

Во-вторых, Глинка был все же не совсем удовлетворен и даже раздражен характером общения в Париже – несмотря на ряд, конечно же, «светлых» эпизодов: «Я веду жизнь наблюдателя, мало и, лучше, никогда не бываю в обществе. Живу... сам по себе. Осмотрев почти всё и совершенно привыкнув к шуму и движению Парижа, я мало ценю удовольствия Парижа... Отдавая всю должную справедливость этому примечательному городу, в особенности за множество новых артистических соображений и за несколько новых и приятных, хотя мимолетных, впечатлений, я, к сожалению, вижу, что раны сердца моего слишком глубоки, чтобы столь короткое путешествие могло залечить их», – писал он П.А. Бартеневой перед самым отъездом в Испанию⁵². Все это не могло не сказаться на самоощущении Михаила Ивановича – он жаловался на то, что «характер страданий чрезвычайно изменился», и вместо апатии «раздражение нерв» выражается «грустью, доходящей до отчаяния», и «сопровождается легкими истерическими припадками...»⁵³. Париж утомил до того, что Михаил Иванович, кажется, даже заскучал по петербургским пирушкам и по «братии». Он писал матери: «Отвык от разгульной жизни; здесь, в Париже, пьют вино с большою умеренностью»⁵⁴. Конечно, с одной стороны тут ощущается желание погасить некоторые небеспочвенные опасения Евгении Андреевны, но с другой – заметна явная тоска по богеме, вполне удовлетворенная, как мы убедимся, чуть позднее, в Испании!

И, наконец, парижский климат угнетал Глинку, пожалуй, ничуть не меньше петербургского. Здесь сполна заговорила о себе известная его метеочувствительность⁵⁵: «Париж имеет свою дурную сторону. Я здесь уже 10 месяцев, знаю город во все времена года, и должен сознаться, что климат здесь весьма дурен. Сыр и непостоянен. Солнце видим редко, и почти непрерывно дождь. ...Париж мало способствовал к улучшению моего расстроенного здоровья», – жаловался он матери, подводя итог своим впечатлениям⁵⁶. Конечно же, более всего Глинку раздражала парижская зима (иногда для полноты картины к ней уже присово-

⁴⁹ ПСС. Т. IIА. С. 216.

⁵⁰ ПСС. Т. IIА. С. 199. Несколько ранее Глинка высказывался на ту же тему: «Моя музыка те-ряет на французском языке, и теперь я хлопочу о переводе некоторых романсов на итальянский и испанский язык[и], с тем, чтобы потом издать их в Париже». – ПСС. Т. IIА. С. 180. Правда, такие романсы Глинки до сих пор не обнаружены. Вообще же нужно учитывать, что в отношении к Парижу Глинке свойственны некоторые «ситуативные» колебания. Так, после успешного концерта с исполнением собственных сочинений, высоко оцененных публикой и критикой, он писал Н. Кукольнику: «Я чрезвычайно доволен своим путешествием. Париж город чудесный – разнообразие умственных наслаждений неистощимое, жить можно как хочешь, и я не помню эпохи в своем существовании приятнее этих последних месяцев». – ПСС. Т. IIА. С. 209.

⁵¹ ПСС. Т. IIА. С. 177.

⁵² ПСС. Т. IIА. С. 219.

⁵³ Там же. С. 199.

⁵⁴ Там же. С. 201.

⁵⁵ О метеопатии см. подробно в I и II частях «Странствий Глинки».

⁵⁶ ПСС. Т. IIА. С. 218.

куплялись и весна, и поздняя осень, причем все вместе оказывалось «несравненно хуже петербургских зим») ⁵⁷. Естественно, «от сырости климата... невозможно было поправиться», из дому было не выйти и привязывалась простуда, как и у всех парижан, и нельзя было «обогреть своих больных костей», к тому же нервы шалили ⁵⁸ и т.п. Но и лето не удовлетворяло разборчивого в погоде Глинку: «В Париже мне нечего делать летом – все порядочные люди разъезжаются...» ⁵⁹. Мечта «пожить под теплым и ясным небом» ⁶⁰ становится все более настойчивой. И ведь дорогу Глинка стал нащупывать достаточно рано, еще осенью 1844-го. Поначалу, правда, в его предположениях она вела на юг Франции, но практически тут же пролегла еще дальше, в Испанию: «Для моего здоровья было бы, конечно, полезно провести весну и часть лета в Париже, а в конце лета, не спеша, пробраться к Испании, с тем чтобы провести там осень и зиму; я бы таким образом ускользнул от сырой и холодной погоды и сделал полное и удовлетворительное путешествие» ⁶¹. И окончательное решение было принято достаточно быстро, к началу января 1845-го: «...Я здесь останусь до июня и... отправлюсь не спеша в Испанию, чтобы захватить там часть лета, – летние ночи южных стран с излишком вознаградят меня за томительный дневной жар» ⁶². Точно так же в свое время Глинка восхищался итальянскими и украинскими ночами ⁶³!

Что же могла дать Испания взамен петербургскому и парижскому «негативу»? И более того: что мог Глинка найти за Пиренеями такого, чего ни во Франции, ни в России отродясь не видели и не слышали, и отчего его испанские годы можно назвать если и не счастливыми, то во всяком случае благополучными? Как это нередко случается, обобщенно, точно и лаконично отвечает на эти вопросы сам Глинка. Еще в Париже он прогнозировал успех пиренейского путешествия: «В Испании солнце теплее и люди несравненно радушнее, чем в Париже, да, сверх того, жизнь, как в Италии, несравненно дешевле, а это не последнее дело» ⁶⁴. Вскоре же по приезде в Вальядолид, в июле 1845 года, он восхитился страной, которая только что открылась перед ним: «Если мои успехи в Париже удовлетворили требованиям моего самолюбия, Испания одна может залечить раны моего сердца... Здесь, за Пиренеями, меня никто не будет беспокоить. Здесь тепло, дешево и живут без чванства и забот,— я не ошибся на этот раз в расчете... Я не ожидал такого радушия, гостеприимства и благородства – здесь деньгами дружбы и благосклонности не приобретешь, а ласкою всё на свете. Я уже описал вам здешний беззаботный, тихий, но приятный образ жизни, прибавлю здесь, что жилки мои приметно оживают, несмотря на жар и постоянно ясную погоду, сплю и ем порядочно, полнею и чувствую себя крепче и веселее». И продолжал рассуждать на эту тему уже год спустя, в самый разгар путешествия, в Мадриде: «Мне в Испании так хорошо, что мне кажется, что будто я здесь родился. Здесь я нашел два необходимые условия для моего благополучия: 1^е никто не вмешивается в мои дела, никто меня не трогает; 2^е здесь светло и тепло... Здесь душа моя отдыхает от всех моих грустных приключений...

⁵⁷ Там же. С. 228. Глинка писал по этому поводу: «Зима трудна в Париже; последняя половина ноября, декабря и января так сыры, туманы так густы, что у нас и не имеют понятия об этом; в комнатах от 12-ти до 13-ти по Реомюру. Не удивительно, что, находясь под неприязненным впечатлением столь неблагоприятной температуры (...хожу без калош, в сапогах на пробках, кои дурно защищают от сырости, калош же носить нельзя оттого, что мостовая здесь ужасно скользкая), я зимою часто страдал». – Там же. С. 199.

⁵⁸ Там же. С. 177, 184, 199.

⁵⁹ Там же. С. 186.

⁶⁰ Там же. С. 177.

⁶¹ Там же.

⁶² ПСС. Т. IIА. С. 187.

⁶³ См. подробно в I части «Странствий Глинки». Очень сходно с тем, как в самом начале XIX века воспринимал украинские ночи князь Шаликов, описывал ночи испанские В. Боткин: «Вы не можете представить себе, как отрадна здесь прохлада; надо испытать зной здешнего дня, чтоб чувствовать, что такое свежесть утра». – *Боткин В.П.* Письма об Испании. Цит.изд. С. 25.

⁶⁴ ПСС. Т. IIА. С. 186.

С испанцами не только можно ладить, но... большая часть их действительно милые и весьма добрые люди (здесь и ранее выделено нами – С. Т., Г. К.)»⁶⁵.

В этой связи обратим внимание на важнейший факт, до сих пор находившийся на периферии внимания биографов. Глинка ехал в Испанию по совету врачей (как в свое время, в 1830 году, через Германию – в Италию); таким образом, одной из главных целей поездки (по крайней мере, изначально декларируемой и, во всяком случае, лежащей на поверхности) было лечение и обретение возможного душевного и творческого «комфорта». Вот что писал он из Парижа за четыре дня до того, как отправился в путь: «По совету здешних докторов мне должно искать облегчения в климате более благосклонном. Так как я уже хорошо знаю Италию, решили отправить меня в Испанию в том предположении, что, кроме климата Андалузии, для меня необходимо пребывание в стране новой, которая бы, удовлетворяя артистическим требованиям моего воображения, отвлекала бы мысли мои от тех воспоминаний, кои суть главною причиною моих теперешних страданий (выделено нами. – С. Т., Г. К.)»⁶⁶.

Кажется поначалу странным, что испанские страницы «Записок», да и письма, практически не содержат столь привычных для Глинки упоминаний о врачах и лекарствах; чрезвычайно редки и жалобы на плохое самочувствие⁶⁷. Чего не скажешь о петербургских или парижских ощущениях, непосредственно предшествующих испанскому путешествию⁶⁸! И здесь на первый план вновь выходит фактор климатический. Собственно, доктора вновь (и на этот раз не без успеха) предложили Глинке климатотерапию, которой он охотно воспользовался. Почему же климат Испании оказался столь благотворным для Михаила Ивановича?

В своем пространном путеводителе по Испании Р. Форд находит место для рекомендаций путешественникам с ослабленным здоровьем. В этом отношении он считает Испанию совершенно уникальной во всей Европе и сравнивает ее с Италией, не в пользу последней: «Прекрасная Италия, с ее классическим престижем, с ее католическими ассоциациями, ее бесконечной цивилизацией, притом доступная, долго была обетованной землей для наших путешественников, ищущих здоровья. Но пар и рельсы Англии сейчас уничтожили время и пространство и... открыли путь в далекую Испанию, рассеяв иллюзии об опасности бандитов... Независимо от более южной широты, геометрическая конфигурация Испании более удачна; если Апеннины, хребет Италии, растянутый с севера на юг, не предлагают никакого барьера для северного холода, то горные цепи Испании... предоставляют полный уют прибрежным полосам. Опять же, там, где влияния Италии обессиливают и угнетают, там климат Пиренейского полуострова бодрит и веселит»⁶⁹. При этом сухость климата, как отличительную осо-

⁶⁵ ПСС. Т. II. С. 228, 273.

⁶⁶ ПСС. Т. II. С. 219.

⁶⁷ Очень показательная деталь. Хотя возможности водолечения в Испании были достаточно широкие, Глинка ни разу не упоминает о нем в испанском фрагменте «Записок» (в отличие от германских или итальянских страниц мемуаров). Путеводитель Ричарда Форда сообщал, что минеральные ванны там существуют с древнейших времен, «очень многочисленны и всегда часто посещаемы». Форд приводит их подробный список – Handbook for travellers in Spain by Richard Ford. Part I – II. Third edition. London: John Murray, 1855. P. 40–41.

⁶⁸ Надо сказать, что сразу же по возвращении на родину, в Новоспасское, жалобы на здоровье «лавинообразно» возрастают. Уже в августе «аппетит и сон начали исчезать», в сентябре «сделалось сильное нервное раздражение», усилившееся до такой степени, что Михаил Иванович, уже выехав из Смоленска в Петербург, вынужден был возвратиться назад. – ПСС. Т. I. С. 330. Ну а в конце месяца случилось сильнейшее нервное расстройство, в результате которого композитор «выимпровизировал» (определение Глинки) «Молитву» для фортепиано. Подробно об этом случае см.: Тышко С., Мамаев С. Странствия Глинки. Ч. II. Цит.изд. С. 266 – 268.

⁶⁹ Форд предупреждал и о некоторых опасностях испанского климата для путешественников, ищущих оздоровления, дифференцируя страну в этой связи по регионам: «Испания... является конгломерацией поднятых гор, с безлесным, обнаженным интерьером, с опаляющим... летом, с резкой, холодной и ветреной зимой, что пагубно для инвалида; гигиенические особенности морских побережий на западе, от Виго до Сан-Себастьяна (по мере приближения к французской границе), успокаивают и преимущественно расслабляют; полоса к востоку, от Барселоны до Кадиса,

бенность Испании, Форд относит к безусловно целебным свойствам этих мест. Когда же он рассуждает о собственно клиническом эффекте от пребывания на Пиренеях, невозможно не вспомнить о счастливом результате, которого мог ожидать Глинка вместе с его докторами: «Преимущества, полученные вследствие своевременной смены климата в случаях ... диспепсии, бронхита и хронических жалоб... и оживляющее влияние на здоровье ума и тела – непреложный факт... Эффект *теплого и постоянного солнечного света*... работает удивительно (выделено нами – С. Т., Г. К.)»⁷⁰. Интересно, что в одном из писем Глинка буквально вторит Форду в характеристиках испанского климата, особенно там, где сопоставляет его с итальянским – притом, что читать этот английский путеводитель в 1845 году он едва ли мог: «Несмотря на единообразие моей теперешней жизни, я не могу жаловаться, климат Испании, хотя и должен бы был соответствовать климату Италии, вовсе не похож во многом. Жар и солнце – как и там, но воздух в Италии мягче, и сырой морской ветер, называемый *широкко*, для меня, как вы знаете, был чрезвычайно вреден. Здесь климат сухой, защищен от морских ветров высокими хребтами гор и, несмотря на зной, живителен и укрепляет, — здесь ем и сплю довольно исправно. Как от влияния климата, так и от непрерывных занятий некогда хандрить, а это главное (выделено нами – С. Т., Г. К.)»⁷¹.

И в передвижениях по Испании русский композитор в общем-то действует в соответствии с рекомендациями Форда: в зимнее время убегает из Мадрида и устремляется на юг, в Гранаду или в Севилью, а летом избегает жарких Андалузии или Мурсии. Нам трудно судить, откуда у Глинки взялись здесь такие «кричащие» совпадения с английским путеводителем. Однако обо многом он знал еще смолоду – благодаря страстному интересу к географии. Еще в «Записках по географии» молодой Глинка написал об Испании: «Климат при берегах морских – умеренный, внутри земли чрезмерно жаркий»⁷². Вообще же он всегда хорошо себя чувствовал в горах или на высотах⁷³ – например, в Сеговии или в Аранхуэсе (комм. 17, 18, 26, 57), и тщательно избегал морских побережий (см. выше).

В общем же на протяжении всего путешествия Глинка отзывался о климате разных провинций Испании в основном позитивно, что для него большая редкость. Приведем по этому поводу лишь две выдержки из писем: «Вот уже около 6 недель как я в Испании и почти месяц как нахожусь в Вальядолиде и... я не ошибся в своем предположении – из всех стран, где я путешествовал, Испания как по климату, так и по новости предметов и особенно по характеру жителей удовлетворяет вполне требованиям моего здоровья и моим склонностям». «Здоровье мое не терпит от здешнего климата, напротив, около 4^х месяцев живу без помощи доктора...»⁷⁴. Правда, и в теплой Испании Михаил Иванович, как и водится, умудрялся иногда страдать от холода. Например, он писал из Памплоны: «Вы, верно, удивитесь, что и здесь, в Испании, мы до такой степени по временам страдаем от холода, что шубка, которую вы мне сделали для путешествия, не токмо служила мне в Париже, но и во всё время путешествия, и даже здесь»⁷⁵. Иногда Глинке бывало холодно и в Мадриде (комм. 21).

более укрепляет и бодрит; на полпути, в Мурсии, – самые сухие места в Европе, а в Малаге достигаем золотой середины». Автор путеводителя считал Малагу (лежащую на морском побережье, на самом юге Андалузии) «наиболее привилегированной зимней резиденцией в Европе» (Handbook for travellers in Spain by Richard Ford. Op.cit. P. 37. Туда Глинка, кстати, так и не попал – как, впрочем, и в иные южные прибрежные города (к примеру, в Кадис или Гибралтар), однако по долгу жил в сопредельных местностях, но уже на некотором отдалении от Средиземного моря (Гранада и Севилья). Он вообще начисто исключил берега морей из своих маршрутов, хотя случалось, что приближался к ним не то что на десятки верст (как в Севилье или в Мурсии), но и вообще на считанные километры – как в городке Эльче (почему это происходило – комм. 71).

⁷⁰ Handbook for travellers in Spain by Richard Ford. Op.cit. P. 37.

⁷¹ ПСС. Т. IIА. С. 232.

⁷² ПСС. Т. I. С. 190.

⁷³ Ср. путь из Италии в Австрию летом 1833 г. – Тышко С., Мамаев С. Странствия Глинки. Ч. II. Цит.изд. С. 240 – 247.

⁷⁴ ПСС. Т. IIА. С. 226, 238.

⁷⁵ ПСС. Т. IIА. С. 222.

К этому следует добавить сведения об истинно целительных свойствах воды и воздуха в Испании. В частности, Р. Форд заявлял, не преминув упомянуть и о медицинском эффекте: «Вода в Испании пьянящая и восхитительно чистая, ...диабет и водянка здесь мало известны»⁷⁶. Качество воды в какой-то мере влияло и на образ жизни. Т. Готье не без удивления замечал: «*Tertulias*⁷⁷, наверно, дорого не обходятся тем, которые их устраивают. Прохладительные напитки здесь не поражают своим обилием: нет ни чая, ни мороженого, ни пунша; только на столе в первом салоне стоит дюжина стаканов воды, абсолютно чистой, с тарелкой печенья (выделено нами – С. Т., Г. К.)»⁷⁸.

Образ жизни Глинки во время путешествия был связан и с особенностями испанской кухни – очень здоровой в своей природе, как отмечали многие путешественники. «Кухня в стране, где люди едят для жизни, а не живут, чтобы есть (выделено нами – С. Т., Г. К.), будет действительно удерживать тело и дух вместе, но не станет искушать слабый и утомленный желудок переполнением... Преимущества климата для пищеварения на примере местных уроженцев очевидны; между прочим, они переваривают масло, уксус, растительное питание и выдерживают шоколад, конфеты, создающие смеси желчи. Подтверждающий эффект доказывается неутомимой активностью очень несытых масс», – так соединил Р. Форд специфику местной кулинарии с особенностями климата и менталитета⁷⁹. Удивительно ли, что по прошествии нескольких месяцев пребывания в Испании Глинка написал: «Приметно полнею, несмотря на чрезвычайную умеренность»⁸⁰?

Испанский образ жизни приносил редкое сочетание душевного покоя и телесной активности. Быть может, потому, что к этому взывала сама природа – во всем ее величии, просторе и тишине... «Если бы вы могли видеть эту прелестную природу – это темно-голубое небо, – это ясное солнце, – вы бы убедились тогда, что не понапрасну влекло меня в Испанию», – воскликнул однажды Михаил Иванович в порыве откровенности (письмо к матери⁸¹). В том же духе обращался и к В.И. Флэри: «Страна предлагает мне свою величественную живописность, города – их драгоценные памятники, небо – свое сверкающее солнце, жители – их великодушные и благородные сердца». И продолжал: «Не удивляйтесь тому, что в этой далекой, немного дикой (но не настолько, как об этом любят говорить), очень своеобразной стране я нахожу больше покоя и большую ясность мысли»⁸². Покоем он действительно наслаждался здесь от души и писал на родину то из Мадрида, то из Гранады, невольно повторяясь от письма к пись-

⁷⁶ Handbook for travellers in Spain by Richard Ford. Op.cit. P. 37. Тут же он говорит и о благородных свойствах испанских вин: «Вина, в особенности юга – малага и мансанилья – сухие, дешвые и благотворные».

⁷⁷ Собрания. – *исп.*

⁷⁸ Gautier T. Voyage en Espagne. Paris, Les Presses de l'Opéra, s. a. P. 115—116. – Цит. по: Боткин В.П. Письма об Испании. Цит.изд. С. 315. Позднее В.Боткин почти повторял это наблюдение в «Письмах об Испании»: «Как бы жарко ни было в комнатах и как бы долго ни продолжался вечер, вам не предложат никакого прохладительного питья. Благодаря простоте привычек своих испанцы, кажется, не чувствуют в этом никакой надобности и одной водой веселятся на своих тертулиях от всей души (выделено нами – С. Т., Г. К.)». – Боткин В.П. Письма об Испании. Цит.изд. С. 27. А. Дюма писал о необыкновенной простоте обстановки, подаваемых напитков и проч. на испанском балу, гостем которого он был. – Дюма А. Собр. соч.: В 100 тт. Т. 68: Из Парижа в Кадис / Пер. Е. Ландсберг, М. Яковенко. Комментарии М. Яковенко, Е. Ландсберг. М., 2007. С. 342.

⁷⁹ Handbook for travellers in Spain by Richard Ford. P. 37—38.

⁸⁰ ПСС. Т. IIА. С. 238. Также, – комм. 13.

⁸¹ Там же. С. 250.

⁸² Там же. С. 246. Правда, В. Ирвинг (автор романтической «Альгамбры»), восхищаясь страной Дон Кихота, все же предостерегал, как мог, от излишнего умиления и ненужных иллюзий туриста: «Торопливое воображение рисует Испанию краем южной неги, столь же пышно-прелестным, как роскошная Италия. Таковы лишь некоторые прибрежные провинции; по большей же части это суровая и унылая страна горных кражей и бескрайних степей, безлесная, безмолвная и безлюдная, первозданной дикостью своей сродни Африке». – Ирвинг Вашингтон. Альгамбра / Предисл. И.М. Фельштинского, прим. А.Б. Грибанова. М., 1979. С. 25. Но ведь в этом тоже была своя прелесть! Что касается африканских ассоциаций, то они стали «общим местом» романтических суждений об Испании, и мы еще не раз встретимся с ними в этой книге. Вот что, в частности, Шопен писал об испанской Майорке: «Днем солнце, – все ходят по летнему, и жарко, – ночью – гитары и пение по целым часам. Все здесь, и сам город напоминает Африку». – Шопен Ф. Письма: В 2-х тт. Изд. 4-е, испр. и доп. М., Музыка, 1989. Т. 1. С. 363. Но и на заре нынешнего века тут ничего не изменилось – Петру Вайлю в «Гении места» виделись «полуафриканские города Андалусии». – Вайль П. Гений места. М., 2001. С. 136.

му – видимо, потому, что «сердце наболело»: «Здесь меня не трогают, и это, может быть, главная причина моего спокойствия»; «здесь никто и ничто меня не докучает, ничто не напоминает о прошлых страданиях»; «я совершенно забываю мои огорчения, живу по-своему, занят...»; «я здесь живу тихо, спокойно (как никогда еще не жил), и весьма естественно, что желаю продлить это время»; «живу спокойно и наболеевшее сердце мое здесь отдыхает»⁸³.

Однако этот покой нередко «взрывообразно» нарушался, когда в него вривалась иная сторона испанской повседневности – непредсказуемая, экзотическая, архаичная и подчас полная приключений, даже опасностей, требующая от путешественника недюжинной способности приспособливаться к необычным обстоятельствам и подчас «экстремальной» жизненной активности. Ведь Испания становилась для романтического мира оазисом мистики и круто замешенной на сказках Шехерезады восточной экзотики – правда, куда более доступным для изучения, чем Азия или Африка. Об этой стране выдающийся испанист-романтик, американец Вашингтон Ирвинг, писал: «Испания и поныне страна особая: её история, обычаи, нравы и склад ума – всё иное, нежели в остальной Европе. Это страна романтической патетики (выделено нами. – С. Т., Г. К.), не имеющей ничего общего с той чувствительностью, которая под именем романтизма господствует в новейшей европейской литературе; она занесена с блистательного Востока, и доблестными учителями её были сарацинские рыцари»⁸⁴. Недаром он считал, что здесь «в любом постоялом дворе приключений не меньше, чем в зачарованном замке, любая трапеза едва ли не колдовство!»⁸⁵. (В этом замечании слышится одновременно и намек на «Дон Кихота», и предчувствие «Кармен»).

Правда, первое впечатление от высказываний об испанцах из писем Глинки создает впечатление едва ли не идиллического спокойствия и благорастворения. Испанцы «добры, в высшей степени приветливы, верны, мужественны, а их обычно суровый характер смягчает свойственная им шутливость, которой они умеют пользоваться с большим изяществом». Они «не знают чинов и церемоний, ласковы, вежливы как нигде». Они очень гостеприимны⁸⁶, более прочих соответствуют характеру Глинки⁸⁷. Этот набор характеристик перекликается с мнением В.Ирвинга: «Испанцы при всех своих многочисленных недостатках и поныне – самый великодушный и чистосердечный народ в Европе»⁸⁸.

Вдобавок испанцы в чем-то напоминают Глинке русских (как и Испания – хоть и находящаяся «на краю Европы, можно сказать в самом противоположном пункте» – Россию!). Ведь не случайно Глинка, еще будучи в Париже, замечал: «Испанцы напоминают мне добрых моих соотечественников». А об испанских напевах говорил, что они «несколько схожи с русскими»⁸⁹. И эта радость узнавания себя в «чужом», конечно, была Глинке по душе⁹⁰!

⁸³ ПСС. Т. IIА. С. 239, 241, 246, 256, 274.

⁸⁴ Ирвинг Вашингтон. Альгамбра. М., 1979. С. 300.

⁸⁵ Там же. С. 30.

⁸⁶ Этому качеству испанцев пел дифирамбы и Боткин: «Испанцы народ гостеприимный по преимуществу; ...знакомства в Испании чрезвычайно легки: одного разговора в кофейной достаточно, чтоб иностранец был приглашен в дом». Русский литератор считал, что «испанец учтив и приветлив с достоинством, без предупредительности; при обычном спокойствии своем он не расточителен на любезности, но будьте уверены, вы никогда не будете ему в тягость, никогда не обойдется он с вами холодно», и что вообще очень «несправедливо ходячее по Европе мнение о враждебности испанцев к иностранцам». – Боткин В.П. Письма об Испании. Цит.изд. С. 26– 27, 29, 144.

⁸⁷ См.: ПСС. Т. IIА. С. 239, 242, 246.

⁸⁸ Ирвинг Вашингтон. Альгамбра. Цит.изд. С. 301.

⁸⁹ ПСС. Т. IIА. С. 184, 191. Уже в пятидесятые годы XIX ст. В. Ламанский (между прочим знакомый М. Мусоргского) подтверждал эту мысль: «Глинка мало что находил сходство народных напевов и мелодий испанских с русскими, но и питал глубокое сочувствие к испанцам, утверждая, что они удивительно похожи на русских». – См.: Ламанский В. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859 (отгиск из Ученых записок 2-го Отделения Академии наук, 1859, кн. 5, с. 102). – Приведено по: ПСС. Т. I. С. 424.

⁹⁰ Вот как П. Вайль комментирует «смирненное достоинство» высказывания испанского писателя Асорина: ««Жить – это видеть, как все повторяется». Похоже, таков и есть побудительный мотив всяческих поездок... Этнографические стереотипы не исчезают совсем и не то чтобы решительно меняются, но размываются, и следить за этим процессом – увлекательно и тревожно, как за взрослением своего ребенка». – Вайль П. Гений места. М., 2001. С. 129–130.

В общем, казалось бы, все способствовало состоянию душевного и творческого комфорта, все настраивало на спокойный лад. Но эти гордые бедняки со взорами и повадками идальго, готовые в любой момент совершить очередное *pronunciamento* (революционное выступление)⁹¹, эти идальго – уже истинные, по рождению, составлявшие круг испанских поэтов, писателей, композиторов, актеров и художников – романтиков по призванию, с их тревогами, подчас радикальными суждениями и с беспокойным состоянием души⁹² (а уж в этот круг Глинка, безусловно, был вхож)! Эти контрабандисты и разбойники, словно выплывающие из новелл и писем Мериме, встреч с которыми можно было ожидать буквально на каждом шагу; наконец, эти андалузские танцовщицы, эти женщины с бездонными глазами и изящными ножками⁹³, в которых Глинка влюблялся, – они все в чем-то сродни Кармен и, по словам Альфреда де Мюссе из «Исповеди сына века», «на сердце... носят стилет»! И не станем забывать: ведь Глинка, подобно герою романа Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе», «как чужеземец, появившийся там впервые, ...привлек к себе внимание всех красавиц». Какой уж тут покой...

В этой связи обратим внимание на трудные условия существования, которые сопровождали путешествующих по Испании, как на явление чисто романтическое (в интерпретации Вашингтона Ирвинга): «Пусть кто хочет жалуется, что им не хватает шлагбаумов на дорогах и гостиниц – всех тех удобств, которыми потчует благоустроенная и на общий лад цивилизованная страна, а по мне лучше кое-как карабкаться по горам, пробираться наобум, наугад, наудачу; и пусть нас встречают с немудрящим и всё же неподдельным гостеприимством, которое придаёт столько очарования доброй старой романтической Испании!»⁹⁴. Показательно, что Ричард Форд, красочно описывая испанский «Тур для ленивых и развлекающихся», вообще-то вроде бы отговаривает таковых от пиренейской авантюры – слишком мало удобств и много беспокойства! – но не удерживается от того, чтобы показать и ее прелести:

Возможно, для этого класса путешественников лучше было бы направиться в Париж или Неаполь. Испания – это не земля телесного комфорта или общественно-чувственной цивилизации... Господь там посылает мясо, но плохо его готовит... Отдаленные от моря, редко посещаемые города захо-

⁹¹ В. Ирвинг дал точное представление об этой испанской «пассионарности»: «Правда и то, что патетика... бывает показной и неумеренной. Порою она делает испанца напыщенным и велеречивым; он готов поставить *rundonog*, то есть вопрос чести, над здравым смыслом и требованиями нравственности; вконец обнищав, он всё же будет изображать из себя *grande caballero* и взирать сверху вниз на «презренные ремёсла» и любые житейские попеченья; но хоть это паренье духа подчас и высокопарно, оно всё же поднимает его над тысячью низостей; он может впасть в нищету, но не опуститься до подлости». – Ирвинг Вашингтон. Альгамбра. Цит.изд. С. 301–302. Также, – комм. 20.

⁹² В. Боткин писал: «Нет народа, который бы с большим негодованием бранил, всячески порицал свою страну, видел в ней только одно дурное, и в то же время я не знаю народа, более гордящегося своею национальностью. Особенно, иностранцу надобно быть осторожным при этом негодовании испанцев, если он хочет сохранить себе радушие своих здешних приятелей: пусть только присоединит он свой голос к их страстным порицаниям, то, при всей изящной вежливости испанцев, он тотчас же увидит, с какою враждебностью смотрят они на все иностранное и как каждый здесь от всей души убежден, что все, что ни пишут в Европе об Испании, есть вздор и ложь. По их словам, Испания и богата, и сильна, и промышленна: стоит только устроить хорошее правительство, и Испании некуда будет деваться от благоденствия». – Боткин В.П. Письма об Испании. Цит.изд. С. 75. Между прочим, аналогия с русскими (и украинцами) тут, что называется, на поверхности! По этому поводу П. Вайль написал в книге «Гений места»: «Испанцы на протяжении всей своей истории остро ощущали непохожесть на Европу как комплекс неполноценности. Вечный испанский (и русский) вопрос о соотношении национального и универсального, ярче всего зафиксированный в противостоянии Унамуно и Ортеги, но обсуждавшийся всегда – от Сервантеса в XVI веке: «Одинокая и несчастная Испания» – до Мачадо в двадцатом: «Мы сохраняем, соблюдая верность традициям, наше место хвостового вагона» (выделено нами. – С. Т., Г. К.)». – Вайль П. Гений места. Цит.изд. С. 131.

⁹³ Комм. 48.

⁹⁴ Ирвинг Вашингтон. Альгамбра. Цит.изд. С. 30.

лустны и бедны. Дыра – это *Genius Loci* (Гений места). Хвастливый Мадрид непосредственно является, между тем, дорогим, второсортным, негостеприимным городом; морские портовые города, как на Востоке, из-за частых посещений чужестранцами, более космополитичны, более бодры и заняты. Вообще говоря, в Испании, как и на Востоке, публичные развлечения редки... Лень... для испанца – это удовольствие – он предпочитает не напрягаться болезненно: оставьте меня, оставьте меня для отдыха и табака. Тем не менее, пробуждающие аламеда, или церковное представление, или бой быков, являются главными средствами релаксации. Всем этим лучше наслаждаться в южных провинциях, на земле пения и танца, яркого солнца и ярких глаз, оптом порождающих любовь, и нет лучших женских ног в мире... Тому, кто ожидает найти хорошо укомплектованные... библиотеки, рестораны, благотворительные или литературные учреждения, каналы, железные дороги, туннели, висячие мосты, политехнические выставки, пивоваренные заводы и подобные... принадлежности высокого статуса политической, общественной и коммерческой цивилизации, лучше остаться дома... Это земля, где Природа была щедрой своим мотовством почвы и климата, и где человек в последние четыре столетия постарался нейтрализовать все это⁹⁵.

Такое приглашение к путешествию, пусть и завуалированное оговорками, безусловно, могло бы произвести впечатление на Глинку – ведь он совсем не принадлежал ни по складу характера, ни по особенностям мышления к «ленивым и нелюбопытным». Но вот уж под какой сентенцией англичанина по испанскому вопросу он наверняка бы подписался – так это под призывом «быть всегда способным насладиться открытым воздухом, бросить лекарство собакам, наблюдать солнце, страну, и людей, с удовольствием выздоравливать каждый день – это утешение и достойное занятие»⁹⁶.

Когда перелистываешь испанские письма Глинки, кажется иногда, что тихая, размеренная жизнь как раз и была лучшим лекарством от всех болезней. Но не тут-то было! Письма ведь были адресованы преимущественно матери, и уже от этого подвергались некоей «самоцензуре» – становились подчас слишком успокоительными, иногда даже чуть банальными, грешили частыми повторами. «Записки» же гораздо откровеннее: именно из мемуаров мы узнаем о романе с Долорес Гарсия или о гранадской «пропаже» (комм. 47, 52, 54), а о чем-то догадываемся лишь по намекам, впрочем, весьма прозрачным – то о знакомой племянницы Дон Сантьяго, миловидной Рамоне Гонсалес, за которой Глинка, по его словам, «волочился» в Мадриде, то о прекрасной толеданке Зефирине и ее спутнице, с которыми приятно провел время в Эскориале, то о ночных серенадах в Севилье, под окном приглянувшейся барышни, то о некоей «неутешной вдове» из Кордовы (комм. 34, 61, 81). Это и понятно: «Записки» уже никоим образом не могли быть прочитаны Евгенией Андреевной! Выходит, что полная приключений жизнь в Испании – и встреча с контрабандистом по дороге в Мурсию, и богемные вечера с русским архитектором Карлом Бейне в Мадриде или в Гранаде, и тесное общение с цыганами в Гранаде, Мурсии или в Севилье, и дружба с севильскими танцовщицами, и поездки верхом по окрестностям или через горный перевал, и прогулки пешком по ночным городам – все это тоже было спасительным средством от хандры и спина, приводило в порядок физическое здоровье, нервы и вообще придавало бодрости.

Но вот что, пожалуй, самое главное: во всех этих жизненных перипетиях Глинка познавал Испанию как истинно романтическую страну! А это было чрезвычайно увлекательно уже в творческом отношении, так как испанская культура этого периода необыкновенно плодотворно аккумулировала в себе всевозможные веяния романтической эпохи. Но едва ли Глинка, путешествуя по стране Дон Кихота, думал о таких отвлеченных материях. Скорей его настроение совпадало с впечатлением Вашингтона Ирвинга, который трактовал

⁹⁵ Handbook for travellers in Spain by Richard Ford. P. 34–35.

⁹⁶ Handbook for travellers in Spain by Richard Ford. P. 38.

проблему в поэтических тонах: «В наши дни, когда народная литература занялась низменной жизнью и смакует человеческие пороки и безрассудства, когда владычица-корысть вытаптывает нежные ростки поэтических чувств и опустошает души; в наши дни... читателю, пожалуй, стоило бы... как следует глотнуть старинной испанской патетики». И говорил, что «для путешественника, наделенного чувством истории и чутьём поэзии – а история и поэзия неразрывно сплетены в анналах романтической Испании, – Альгамбра может служить местом поклонения, как Кааба для правоверного мусульманина»⁹⁷. Таким образом, постижение страны во всех сложностях условий повседневности становилось еще и трудом души, интеллектуальной задачей, требующей постоянного эмоционального напряжения. Собственно, и путеводитель Форда открывал читателю именно такую Испанию:

Тот, кто стремится к романтике..., найдет темы, достаточные в стране, руководствуясь карандашом и блокнотом, в этой единственной стране, которая лежит между Европой и Африкой, между цивилизацией и варварством; это земля зеленых долин и пепельных гор, безграничных равнин и горных цепей; это райские сады виноградной лозы, оливковых и апельсиновых деревьев и алоэ; бездорожная, безмолвная, невозделанная пустыня... поразительно и внезапно бросается в глаза, когда переносишься сюда из лощеной монотонности Англии, – к характерной свежести той все еще оригинальной страны, где античность наблюдаешь и сегодня, где язычество оспаривает подлинный алтарь у христианства, где снисхождение и роскошь спорят с недостаточностью и бедностью, где стремление быть великодушным, честным или милосердным становится... героической добродетелью, где хладнокровная жестокость связана с огненными страстями Африки, где невежество и эрудиция состоят в сильном и поразительном контрасте⁹⁸.

Остается только сказать, что Глинка, кроме *покоя*, искал в Испании *волю*. Он искал свободу и приговаривал: «Артисты всегда путешествовали *свободно*»⁹⁹. Он хотел, как и Пушкин, «по прихоти своей скитаться здесь и там»... Желание совершенно неизбежное для романтической души. Уже в наши дни по этому поводу лаконично и иронично высказался в своем последнем романе «Времятрясение» Курт Воннегут: «Мы здесь, на Земле, для того, чтобы бродить, где хотим, не забывая при этом как следует...»; и закончил сентенцию весьма крепким выражением¹⁰⁰.

Конечно же, представления Глинки об Испании складывались не только из того, что он увидел своими глазами, но и из того, что он прочитал об этой стране или слышал о ней, общаясь с людьми знающими. Это могло происходить не только непосредственно во время путешествия, но и до, и даже после него – ведь работа над «Записками» шла уже на склоне лет, с лета 1854-го до начала 1855 года. Не вызывает сомнений то, что Глинка – в эпистолярной, но особенно в мемуарах, – имел возможность пользоваться уже опубликованными материалами. А мечтать о далекой стране за Пиренеями Глинка начал еще смолodu. «Еще до отъезда в

⁹⁷ Ирвинг Вашингтон. Альгамбра. Цит.изд. С. 49, 301– 302.

⁹⁸ Handbook for travellers in Spain by Richard Ford. P. 35. Здесь обнаруживаем очередную переключку с путеводителем Р. Форда в «Письмах об Испании» В. Боткина: «Нет больше Пиреней!» – говорил Людовик XIV, – а эта масса высоких гор, всю роскошью растительности обращенных к Франции и показывающих Испании только свои голые скалы, эта трудность сообщений, поставленная природою между Франциею и Испаниею, и далее, эта почва, плодородная и заброшенная, эта пустыня у самых ворот Франции, созданная беспечною и ленивою, – этот народ столь благородный, прекрасный, исполненный достоинства, так роскошно наделенный природою всеми благами – и нищенский; эта страшная упрямость характера, эта страстная приверженность к прошедшему; этот дух исключительности и уединения в эпоху, когда все стремится к сближению... – все это здесь необыкновенно действует на душу, на воображение, а главное, возбуждает самый страстный интерес к этой благородной стране». – Боткин В.П. Письма об Испании. Цит.изд. С. 11.

⁹⁹ ПСС. Т. IIА. С. 180.

¹⁰⁰ Воннегут К. Времятрясение. М., 2000. С. 251.

деревню я начал помышлять о путешествии за границу. Это желание... впоследствии усилилось еще более от чтения путешествий. Я помню, что перед самым отъездом в деревню я читал путешествие в Испанию и с той самой поры мечтал об этой занимательной стране», – вспоминал он в «Записках»¹⁰¹. Знаменательно, что в это же время, зимою 1829 года, Глинка пишет для сестры, Людмилы Ивановны, «Записки по географии», где (в самом сжатом виде, в контексте общего обзора нескольких стран) называет важнейшие реки, горы, города и кратко характеризует климат, народонаселение и экономическое состояние Испании¹⁰². Спустя годы Михаил Иванович не забыл о стремлении юности и писал матери уже в 1844 году из Парижа: «Более всего меня влечет в Испанию. Это давнишняя мечта – мечта моей юности»¹⁰³. Еще в Италии, 14 лет тому назад, я намерен был посетить этот любопытный край и уже тогда начал учиться испанскому языку – холера помешала мне тогда исполнить мое намерение»¹⁰⁴. Уже весной 1845 года Глинка вновь возвращался к этой мысли: «Италия спасла меня от холеры. Недаром влечет меня в Испанию... Видно, так мне суждено, что в чужих и иностранных я всегда находил более дружбы и искренности»¹⁰⁵. Заметим, что от холеры Глинка был «спасен» как раз во время крупнейшей эпидемии, поразившей Россию осенью 1830 года – в дни «Болдинской осени» Пушкина. Справедливости ради заметим, что холера тогда периодически навещала и Испанию. Например, Мериме упоминает о ней в «Письмах из Испании», повествуя о знаменитом пикадоре Франсиско Севилье: «У самой Барселоны санитарный кордон – безмозглый, как это всегда бывает,— оповестил путников, что им придется провести десять дней в карантине»¹⁰⁶.

Еще до поездки Глинка, безусловно, был включен в уже формировавшееся тогда движение русского, и шире – европейского романтического «испанизма». Он, безусловно, прекрасно знал «триптих» испанских стихотворений Пушкина, и даже положил на музыку два из них – «Я здесь, Инезилья» и «Ночной зефир». Для цикла «Прощание с Петербургом» (1840) он сочинил испанское болеро и романтическую балладу «Стой, мой верный, бурный конь», в которой вполне ощущается дух Испании. Глинка мог быть знаком с «Каменным гостем» Пушкина, мог слышать о драме Лермонтова «Испанцы», наверняка знал «испанские романсы» Верстовского, Виельгорского, Есаулова¹⁰⁷, наконец, вполне мог читать драму Шиллера «Дон Карлос» (комм. 26). Глинка, конечно же, имел прекрасное представление об «оперной Испании», воспеваемой на подмостках почти всех европейских оперных театров, начиная с «Севильского цирюльника» и «Фиделио» и кончая совсем свежими опытами итальянских романтиков.

Новый этап погружения в испанскую тему наступает для Глинки в Париже, непосредственно перед путешествием. Здесь началось серьезное изучение испанского языка и литературы, здесь прочитаны первые книги по-испански; тут же завязались первые (и довольно прочные) знакомства с испанцами – с дипломатом и любителем музыки маркизом де Суса (*de Souza*), с историком, литератором и переводчиком Б. Герреро и, наконец, с доном Сантьяго Эрнандесом, который будет сопровождать Глинку в Испании достаточно долгое время (комм. 2, 14, 35). Безусловно, общение с ними приносило Глинке и те живые сведения об Испании «из первых уст», которые не вычитаешь ни в каких книгах!

Продолжается во французской столице и изучение географии Испании – причем теперь уже по совершенно фундаментальному изданию. «Окружен про-

¹⁰¹ ПСС. Т. I. С. 216.

¹⁰² Там же. С. 190.

¹⁰³ О «давнишнем желании» Глинка повторился и в «Записках». – ПСС. Т. I. С. 318.

¹⁰⁴ ПСС. Т. IIА. С. 177.

¹⁰⁵ ПСС. Т. IIА. С. 206.

¹⁰⁶ Мериме П. Письма из Испании // Собр. соч.: В 4-х т. Т.2. М., 1983. С. 112. См. также: Тышко С., Мамаев С. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Цит.изд. Ч. II. С. 140 – 141.

¹⁰⁷ См.: Левашева О.Е. Михаил Иванович Глинка. Цит.изд. Т. 2. С. 164.

странными картами Испании и Андалузии и приобрел географию Испании на испанском языке в 700 страниц (выделено нами – С. Т., Г. К.)», – писал Михаил Иванович Л.А. Гейденрейху¹⁰⁸. Сейчас, благодаря замечательному поиску В. Сомова, нам известно и полное название этого объемного труда: речь идет о книге «Генеральное описание Испании и островов, зависящих от нее» (Мадрид, 1827), составленное Франсиско Паисом Вердехо¹⁰⁹.

Все эти «книжные» знания или слушательские ощущения готовили почву для того, чтобы Глинка мог вступить в живой (хотя по большей части и «заочный») диалог с его современниками, побывавшими в Испании. Конечно же, нас в первую очередь будут интересовать деятели романтизма: Вашингтон Ирвинг, Ричард Форд, Проспер Мериме, Теофиль Готье, Виктор Гюго, Александр Дюма, Василий Петрович Боткин, Ференц Лист, Фредерик Шопен, скрипач-виртуоз Уле Бульь... Заметим сразу, что путь испанских странствий каждый из них проходил по-своему. И здесь время хотя бы ненадолго остановиться и взглядеться в силуэты этих незаурядных фигур на фоне Пиренеев...

Лавры первооткрывателя романтической Испании по праву принадлежат Вашингтону Ирвингу – писателю, страстно любившему эту страну и много сделавшему для того, чтобы его читатели увидели в ней замечательную романтическую легенду. Не случайно уже в конце XIX столетия известный испанский писатель Бенито Перес Гальдос сказал: «Единственный человек, который верно описал нашу страну, – Вашингтон Ирвинг», не преминув, правда, заметить, что «его книга устарела»¹¹⁰. Ирвинг впервые посетил Испанию в 1826 году, будучи в распоряжении американской дипломатической миссии в Мадриде, и с тех пор не смог расстаться с нею ни в реальной жизни, ни в творчестве. В 1829 году он даже прожил три месяца в Альгамбре. И написал впоследствии книгу, которая открыла читателю Испанию с новой, до тех пор неизведанной стороны. В предисловии к первому изданию «Альгамбры» он обращается к своему другу, с которым они «бродили по старым городам Испании – Толедо и Севилье», и который побуждал его написать об увиденном «что-нибудь в стиле Харун ар-Рашида, в чём бы содержалась крупица того арабского привкуса, которым пронизано всё в Испании»¹¹¹. Еще в 1828 году появилась «Жизнь и путешествия Христофора Колумба» в трёх томах, в 1829-м – «Хроника завоевания Гранады», а в 1832-м увидело свет первое издание «Альгамбры», принесшее Ирвингу поистине мировую славу¹¹². В 1842—1846 годах Ирвинг был послом США в Испании. В 1849 году написаны «Легенды о завоевании Испании» и «Магомет и его преемники».

Для нас важно, что этот писатель был очень популярен в России, причем задолго до поездки Глинки в Испанию. Ведь первое знакомство русских читателей с «Альгамброй», как пишет в примечаниях к этому собранию эссе, путевых заметок и легенд А. Грибанов, «состоялось почти сразу же после её публикации – через французский перевод, изданный двумя томиком в Париже в 1832 г.»,

¹⁰⁸ ПСС. Т. IIА. С. 199.

¹⁰⁹ «Книга... Вердехо, – пишет Сомов, – скорее всего и есть та география Испании, что была куплена в Париже. Она издана в двух томах, но в экземпляре РНБ они переплетены в один. Первый том состоит из 432 страниц, второй из 350, т. е. вся книга насчитывает 782 страницы. Глинка в письме вполне мог округлить эту цифру, так что речь идет об одной и той же книге. Она небольшого формата, в восьмую долю листа, удобна для путешествия. Книга сохранила старый полукожаный переплет, довольно изношенный; судя по всему, ее много читали». Кроме нее, в путешествии с Глинкой, вероятно, был и «Краткий конспект испанской Истории с ее возникновением до правления (...) Фернандо VII». (Мадрид, 1838). С картой Испании...». – Сомов В.А. Несколько книг из личной библиотеки Глинки (Из опыта разысканий в Российской Национальной библиотеке // Новоспасский сборник. Вып. 1: М.И. Глинка. Личность. Музыка. История. Смоленск, 2005. С. 142—143.

¹¹⁰ Звигильский А. Творческая история «Писем об Испании» // Боткин В.П. Письма об Испании. Цит.изд. С. 289.

¹¹¹ Ирвинг Вашингтон. Альгамбра. Цит.изд. С. 17.

¹¹² Второе издание – 1851 год.

а первые переводы на русский появились в журнале «Телескоп» уже в сентябре 1832-го¹¹³ Следовательно, если мы и не можем с уверенностью сказать, что Глинка читал «Альгамбру» либо до, либо после поездки в Испанию, то, во всяком случае, не имеем никаких оснований отвергать саму возможность этого факта. В случае же весьма вероятного знакомства с «Альгамброй» Ирвинга он пользовался ею как путеводителем (особенно в Гранаде и вообще на юге Испании) и, главное, как прекрасным пособием для познания самого романтического духа страны.

То же можно сказать и о книгах другого знаменитого романтика (и в немалой степени «испаниста») – Проспера Мериме. У нас нет точных сведений о том, читал ли Глинка его «Письма из Испании», опубликованные в 1830 году, или повесть «Кармен», увидевшую свет как раз в год приезда русского композитора на Пиренейский полуостров¹¹⁴, и тридцать лет спустя вдохновившую Бизе на создание оперного шедевра. И все же трудно представить себе, что Глинка не был знаком с поистине великой историей Хосе и Кармен, на столетие вперед предопределившей художественный образ «испанского мира» в интерпретации европейцев. (Некоторые эпизоды его «Записок» и писем вызывают непосредственные ассоциации с новеллой Мериме).

Одновременно с путешествием Глинки, в 1845 году, появился в первом издании грандиозный по объему, подробный и почти исчерпывающий по содержанию путеводитель по Испании, написанный англичанином Ричардом Фордом («Handbook for travellers in Spain by Richard Ford»). Правда, Глинка едва ли его видел, потому что Форд самолично уничтожил практически весь тираж¹¹⁵. До окончания работы над «Записками» Глинка не мог ознакомиться также с переписанным и исправленным вторым изданием книги, двухтомником почти на тысячу страниц, – он вышел в 1855 году, когда Глинка уже завершил работу над мемуарами¹¹⁶. Вместе с тем в книгах Глинки и Форда иногда поражают совпадения не только в общих оценках, но даже и в описаниях – принимая, конечно, во внимание их различные объемы и задачи.

Форд исколесил Испанию буквально вдоль и поперек и осветил все без исключения стороны ее жизни, от истории, политики и экономики – до географии, природных ландшафтов, народных обычаев, предметов искусства и памятников архитектуры; при этом он не обошел вниманием ни одного самого захолустного городка, ни одной самой скромной речушки и т.п. Книга Форда пользовалась поистине огромной популярностью и, по словам его русского современника, А. Дружинина, «разошлась лучше всякого романа», его «сочинение... читалось

¹¹³ Ирвинг Вашингтон. Альгамбра. Цит.изд. С. 335. В. Боткин не только ссылался на Ирвинга в «Письмах об Испании», но и пользовался этой книгой, описывая Гранаду; П. Киреевский переводил «Жизнь Магомета» (1857); наконец, с именем американского писателя было связано и ироническое сочинение А.К. Толстого «О том, как юный президент Вашингтон в скором времени сделался человеком». – См.: Ирвинг Вашингтон. Альгамбра. Цит.изд. С. 335; Звигильский А. Творческая история «Писем об Испании» // Боткин В.П. Письма об Испании. Цит.изд. С. 289.

¹¹⁴ Впервые побывав в Испании в 1830 году, Мериме затем возвращался сюда несколько раз. В России его испанские сюжеты были, конечно же, широко известны, их обсуждали с заинтересованностью и уважением, хотя иногда и не без иронии: «Между... путниками, жаждущими повстречаться хотя с одним бандитом и присутствовать хоть на одном бое быков, иные, как, например, Мериме, писали дельно и гладко», – писал А. Дружинин в 1857 году. – Дружинин А.В. «Письма об Испании» В.П. Боткина. СПб. 1857 г. // Боткин. В. П. Письма об Испании. Цит.изд. С. 245.

¹¹⁵ По этому поводу писатель Генри Мортон сообщает: «Как только первое издание «Карманного путеводителя по Испании» напечатали, Аддингтону (Генри Аддингтон был тогда британским послом в Мадриде – С. Т., Г. К), напуганному непоследовательностью и чересчур откровенными замечаниями – два главных украшения фордовского стиля, – удалось убедить друга изъять тираж. Считается, что существует всего двадцать экземпляров первого издания, и они, конечно, являются раритетами». – Мортон Генри В. Прогулки по Испании. От Пиренеев до Гибралтара. СПб, 2009. С. 183.

¹¹⁶ «Записки» начаты 3 июня 1854 года, а их последняя, четвертая часть, куда входит и путешествие в Испанию, датируется 25-м января 1855 года.

женщинами, членами парламента, помещиками, дилетантами литературы, людьми, никогда не имевшими намерения ехать в Испанию»¹¹⁷. Все это вполне понятно, потому что Форд чудесно знал Испанию и смотрел на нее глазами влюбленного романтика¹¹⁸, а потрясающая легкость письма, перемежающаяся с поистине английской скептической иронией, только придавали книге занимательности.

Форд отправился в Испанию в 1830 году, в поисках более теплого климата (по совету супруги). Как и Глинка, Форд был «образованный любитель, которому не приходилось зарабатывать себе на жизнь»¹¹⁹, только побогаче русского композитора: он вполне мог себе позволить пребывание в Испании в течение целых трех лет, причем с женой, тремя детьми и тремя служанками; при этом ему не приходилось, как Михаилу Ивановичу, месяцами ожидать какого-либо «секурса» или испрашивать все нового и нового финансового вспомоществования. Но все же в испанских странствиях их объединяет то, что оба были по-настоящему свободны и далеко не в последнюю очередь независимы от необходимости каждодневного заработка. А это, согласитесь, важная гарантия непредвзятого взгляда на страну. Словом, даже если Глинка и не знал ни слова из книги Форда, весь его испанский опыт вступает в диалог с нею.

Несколько раз бывал в Испании французский романтик Теофиль Готье. Впервые он посетил страну в 1840 году, а в 1843-м появилась его книга «*Tra los montes*»¹²⁰, с 1845 года известная под другим именем – «*Voyage en Espagne*» («Путешествие в Испанию»). В России это сочинение было известно еще до поездки Глинки, поскольку печаталось отрывками в журналах (1842-м и 1843 годах), и на него обильно ссылался В.П. Боткин¹²¹. Какие-либо сведения о том, был ли русский композитор знаком с этим трудом, отсутствуют. Хотя заинтересоваться сочинением Готье, попади оно в его руки, мог бы – ведь французский писатель рассуждал об Испании артистической, стране великих художников и замечательных памятников архитектуры, а Глинка ко всем этим явлениям испанской культуры не был равнодушен. Готье, по словам А. Дружинина, был странным туристом, особенно зорким к произведениям искусства; при этом «для него живопись, ваяние, архитектура, музыка, красивые костюмы, красивые лица женщин составляли всю жизнь; за исключением изящной стороны, он не хотел думать ни о каких других сторонах нашего существования»¹²².

В «Письмах о русской поэзии» Н. Гумилёв писал о Готье: «Италия, Испания, Россия, Константинополь, Восток ожили... с их природой, искусством, памятниками, со всеми запахами и красками»¹²³. Правда, самым реальным и совре-

¹¹⁷ Дружинин А.В. «Письма об Испании» В.П. Боткина // Боткин. В. П. Письма об Испании. Цит.изд. С. 241.

¹¹⁸ В этом Форд очень походил на Вашингтона Ирвинга, благодаря поддержке которого, кстати, и очутился в Испании. Во время путешествия, как пишет Г. Мортон, «он жил в съемных домах и некоторое время, как Ирвинг, провел в романтических кварталах Альгамбры в Гранаде». И продолжает: «Когда он мог оставить семью, то уезжал на долгие экскурсии верхом на красивом, упитанном кордовском пони... Стоило Форду научиться говорить по-испански, как он, одетый в испанский наряд, всегда готовый хоть поболтать с герцогом, хоть поваляться на соломе с погонщиками мулов или бандитами, узнал об Испании из личных наблюдений и опыта больше, чем когда-либо удавалось любому иностранцу». – Мортон Генри В. Прогулки по Испании... Цит.изд. С. 182. Все это в чем-то напоминает «испанский образ» Глинки – не только в известных карикатурах Степанова на тему его путешествия, но и во вполне реальных обстоятельствах его жизни за Пиренеями.

¹¹⁹ Мортон Генри В. Прогулки по Испании... Цит. изд. С. 181. Отец Форда в свое время создал Лондонскую конную полицию.

¹²⁰ До этого, с 1841 года, публиковалась во французских журналах. – Звигильский А. Творческая история «Писем об Испании» // Боткин В.П. Письма об Испании. Цит.изд. С. 289.

¹²¹ Боткин В.П. Письма об Испании. Цит.изд.

¹²² Дружинин А.В. «Письма об Испании» В.П. Боткина...// Боткин. В.П. Письма об Испании. Цит.изд. С. 245.

¹²³ Гумилёв Н.С. Теофиль Готье // Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 227.

менным испанцам он почти не уделял внимания, и после выхода «Путешествия...» его однажды даже спросили: «Тео, значит в Испании нет испанцев?» Однако замечательный русский поэт, ссылаясь на слова Готье, сам того не ведая, находит в его путевых заметках свойство мировосприятия, конечно же, близкое и Глинке: «Ассимилироваться с нравами и обычаями страны, которую посещаешь, мой принцип; и нет другого средства всё видеть и наслаждаться путешествием»¹²⁴.

В 1843 году непродолжительное путешествие в Испанию, ограничившееся небольшим регионом (от французской границы до Памплоны и обратно), совершил Виктор Гюго. Свои впечатления он описал в книге «Пиренеи (Путешествие)». «Испания поразила его воображение своей дикой природой, гибкими и стройными женщинами, яркостью речи», – сообщал об этой поездке Андре Моруа («Олимпиа, или Жизнь Виктора Гюго»).

Почти одновременно с Глинкой в Испанию приехал незаурядный русский литератор и публицист Василий Петрович Боткин. Хотя точное время его пребывания на Пиренеях установить сложно (Боткин «растянул» время своего путешествия до заведомо мифических пяти месяцев), исследователям все же удалось определить, что он провел в Испании два с половиной – три месяца, с 11 августа до конца октября 1845 года¹²⁵. Итогом поездки стали знаменитые «Письма об Испании» – книга совершенно замечательная как по глубине и всесторонности суждений о стране и ее народе, свежести и смелости мысли, так и по характерному для автора свободному и ясному стилю изложения. Книгу Боткина ставят в один ряд с путеводителем Р. Форда (при всех бросающихся в глаза различиях). Иногда Форд и Боткин описывают совершенно сходные предметы и дают им почти одинаковые оценки – вплоть до подробностей. Труд Боткина начал публиковаться в «Современнике» в 1847 году и очень скоро стал весьма популярным среди читающей публики – достаточно сказать, что его знали, среди прочих, Гоголь, Белинский и Аполлон Григорьев¹²⁶...

Глинка же мог прочитать «Письма об Испании» только после своего путешествия, но, безусловно, еще до начала работы над «Записками» летом 1854 года. При этом иногда можно наблюдать переключки глинкинского и боткинских текстов (см. комментарии). В общем-то, это неудивительно – уж очень похожими были мотивы и, в особенности, обстоятельства их путешествий, к тому же оба равно любили Испанию. Вот что по поводу Боткина написал А. Дружинин и что без труда может быть распространено на Глинку: «Довольствуясь местом и правами простого дилетанта словесности, г. Боткин был свободнее многих литераторов в выборе своих любимых занятий. Не стесняясь временем и условиями постоянных журнальных трудов, он мог изучить языки, знание которых до сих пор считается роскошью для пишущего человека, имел возможность путешествовать *далее*, нежели путешествовали его товарищи... Предпринимая свою поездку через Пиренеи, наш автор был уже достаточно *приготовлен* к пониманию Испании: он знал ее язык, читал испанских писателей, старых и новых, был знаком с заметками даровитых людей, до него посещавших этот край (выделено нами. – С. Т., Г. К.)»¹²⁷.

Одновременно с Глинкой побывал в Испании и Александр Дюма (отец). С 5 до 28 октября 1846 года он пересек всю страну с севера на юг (от Байонны до Гранады)¹²⁸. Дюма путешествовал в компании друзей и с юным сыном Александром. Целью поездки была Африка. В результате появилась чрезвычайно зани-

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Звигильский А. Творческая история «Писем об Испании» // Боткин В.П. Письма об Испании. Цит. изд. С. 295.

¹²⁶ Там же. С. 294.

¹²⁷ Дружинин А.В. «Письма об Испании» В.П. Боткина... // Боткин. В.П. Письма об Испании. Цит. изд. С. 247–248.

¹²⁸ ПСС. Т. I. С. 406.

мательная, полная точных наблюдений людских характеров, природы и быта, а также щедро сдобренная фантазией и неподражаемым юмором знаменитого писателя книга «Из Парижа в Кадис» (полное название: *Impressions de voyage: De Paris à Cadix*)¹²⁹. Ко времени написания мемуаров Глинка был с ней безусловно знаком – об этом свидетельствует прямая ссылка в тексте «Записок»¹³⁰.

Дюма приехал в Испанию в зените славы: буквально накануне вышли самые известные его романы – «Три мушкетера» (1844) и «Граф Монте-Кристо» (1844—1845), причем почти сразу они были переведены на испанский¹³¹. Его драма «Катерина Говард» пользовалась здесь грандиозным успехом. Французский писатель во время всего путешествия окружен вниманием – ведь он, помимо всего прочего, был приглашен сюда на празднование «двойного» бракосочетания королевы Изабеллы II и ее сестры (комм. 73). Неординарность отношения к себе Дюма почувствовал уже на самой испанской границе, а потом и в Мадриде, где его принимали как почетного гостя, и для него были открыты все двери в самые высокие дипломатические и аристократические круги. И после Мадрида, путешествуя на юг, в Андалузию, Дюма не устает удивляться знакам внимания, проявленным к нему, описывая встречу, устроенную ему в Севилье: «У последних ворот нас остановили и поинтересовались, нет ли среди пассажиров господина Александра Дюма. Господин Александр Дюма показался... и узнал, что в течение двух дней его ожидала карета маркиза дель Агвила; о его предстоящем приезде... стало известно, и один из самых знатных дворян Севильи отправил свою карету навстречу, чтобы господин Дюма мог въехать в столицу Андалусии в достойном его экипаже. Видите, сударыня, Вашего друга в Севилье встречают столь же любезно, как и в Кордове. Что касается меня, то я совершенно не был подготовлен к таким почестям: Франция, наша нежная мать, никогда не баловала нас до такой степени»¹³².

Ничего подобного, безусловно, и в помине не было в испанских ощущениях Глинки – его статус здесь был совершенно иным, чем у Дюма. Как пишет современный испанский автор, «приезд Глинки не вызвал общественного резонанса», в отличие от визитов других деятелей искусств; он «не был постоянным гостем больших салонов или примечательных вечеринок; скорее он принимал в своем доме простых людей (погонщиков мулов, гитаристов, танцовщиц, цыганок и т. п.), а также и некоторых представителей среднего класса, чтобы музицировать, танцевать и изучать испанский фольклор»¹³³. Вместе с тем, у Глинки, в отличие от Дюма, не было и цели зарабатывать себе на жизнь творчеством – в том числе своими путевыми заметками, и он, возможно, даже был в чем-то свободнее относительно собственных планов.

С первой половины ноября 1838-го до первой половины февраля 1839 года в Испании был Ф.Шопен – вместе с Жорж Санд. Большую часть времени они провели на острове Мальорка (дважды ненадолго заехав в Барселону). Все время пребывания в этой уникальной курортной местности Шопен провел в неважном настроении, в не удовлетворявших его бытовых условиях, и к тому же часто болел. В результате он высказался об этом уголке Испании с изрядной долей мизантропии: «Природа благодетельная, люди – воры»¹³⁴. Что касается Жорж Санд, то по следам их совместного путешествия она написала повесть «Зима на Ма-

¹²⁹ В марте 1847 года печаталась отдельными фельетонами в газете, первое отдельное издание вышло в 1847—1848 годах. – См.: Дюма А. Из Парижа в Кадис. Цит.изд. С. 381.

¹³⁰ ПСС. Т. I. С. 323.

¹³¹ Дюма А. Из Парижа в Кадис. Цит.изд. С. 439.

¹³² Там же. С. 314—315.

¹³³ Los Papeles españoles de Glinka. 150 aniversario de su viaje a España. 1845—1847. Испанские заметки Глинки. 150-летию путешествия М.И. Глинки по Испании. Madrid, Edición a cargo A. Álvarez Cañibano. [1996]. P. 25—26.

¹³⁴ Шопен Ф. Письма.: В 2-х т. Цит.изд. Т. 1. С. 357.

Йорке», опубликованную в журнальном варианте в 1841 году и вышедшую отдельной книгой в 1842-м.

Нельзя не упомянуть здесь и о знаменитом норвежском скрипаче-виртуозе Уле Булле, в 1847 году встречавшемся с Глинкой в Севилье (комм. 83), а также об известном в то время французском пианисте и композиторе Эмиле Прюдане, испанские гастроли которого состоялись в начале 1846 года¹³⁵.

Из музыкантов, посетивших Испанию в 30—40-е годы позапрошлого века, нас, конечно, более других будет интересовать Ференц Лист, которого Глинка так и не дождался в Париже зимой и весной 1845 года и с которым разминулся на Пиренеях. Лист совершил большую поездку по Пиренейскому полуострову, побывав в Испании и в Португалии в октябре 1844-го – апреле 1845 года¹³⁶. Он въезжал в Испанию по той же дороге, что и Глинка несколько месяцев спустя (комм. 4, 5): приблизительно 13 октября 1844 года он покинул По у границы Франции, а 22 октября был уже в Мадриде¹³⁷. Примечательно, что случилось это как раз в день его рождения – точно так же, в день своего рождения, 1 июня 1845 года, Глинка впервые пересек испанскую границу.

Поскольку об испанском турне Листа у нас известно очень мало, приведем здесь краткие сведения о нем, ориентируясь на развернутые обзоры в статьях испанского и английского авторов¹³⁸.

Начиная с 28 октября Лист дал десять концертов в испанской столице (во дворце герцога Марселино де Вильяэрмоса, в театрах дель Сирко и дель Принсипе). Он играл соло, в ансамбле для двух фортепиано и аккомпанировал певцам (комм. 83, 87). В программах были оперные увертюры и арии французских и итальянских композиторов, фортепианные парафразы на оперные темы и иные сочинения Листа, а также его импровизации, две песни Шуберта, мазурка Шопена (о какой именно идет речь, не уточняется) и проч.

В начале декабря Лист уже был в Кордове, а во второй половине декабря – в Севилье, где провел 10 дней; он посетил также Гранаду и Кадис (комм. 47, 76, 77). А 12 января 1845 года Лист на английском корабле отправился из Гибралтара в Лиссабон, куда прибыл 15 января, и дал там двенадцать концертов. Он уехал из Португалии 25 февраля. В марте – первой половине апреля продолжил турне по Испании, на этот раз по южному и восточному ее побережью – Малага, Валенсия и Барселона.

Во время всего испанского путешествия Лист купался в лучах славы и был безусловно удовлетворен материальной компенсацией за свои артистические труды. Спонсором и организатором его гастрольного тура был мадридский Художественный и литературный лицей (*El Liceo Artístico y Literario*), основанный в 1837 году¹³⁹. Следовательно, вся поездка была тщательно спланирована и, главное, сполна оплачена. При этом на всем ее протяжении Листа сопровождал Луи Буассло (*Louis Boisselot*), старший сын крупного марсельского фабриканта клавишных инструментов, а рояль, на котором он играл, объявлялся как подарок виртуозу; на этом инструменте он давал концерты постоянно и рекламировал его повсюду во время всего Иберийского турне 1844—1845 годов.

В Мадриде Лист отклонил предложение разместиться во дворце бельгийского посла и поселился в гостинице – как пишет его биограф, Лина Раман, в связи

¹³⁵ *Stevenson Robert*. Liszt at Madrid and Lisbon: 1844—45 // *The Musical Quarterly*. Vol. 65. No. 4. Oct., 1979. P. 493.

¹³⁶ Этот период в жизни Листа до недавнего времени был недостаточно изучен. Литература на русском языке представляла лишь самые общие контуры испанских гастролей. Мало того: по мнению Р. Стивенсона, «ни одна биография на английском не описывает точно его [Листа] Иберийское турне 1844—45». – *Stevenson Robert*. Liszt at Madrid and Lisbon... *Op.cit.*: P. 494.

¹³⁷ *Tomás Fernández Mauricio*. Liszt y España // *Revista de Musicología*. XVI (1993), n° 3.

¹³⁸ *Tomás Fernández Mauricio*. Liszt y España. *Op.cit.*; *Stevenson Robert*. *Op.cit.* P. 495—503.

¹³⁹ Ранее лицей представлял таких мировых «звезд», как Дж. Рубини в 1841 году и Полина Гарсиа (впоследствии Виардо-Гарсиа) в 1842-м. – *Stevenson Robert*. Liszt at Madrid... *Op.cit.* P. 495—496.

с тем, что «его совесть не позволяла ему украшать себя заимствованным блеском»¹⁴⁰.

В честь Листа во всех городах, куда бы он не заехал, устраивались пышные банкеты и приемы, в честь него произносились панегирические тосты, и он был увенчан лавровым венком¹⁴¹. Биографы не обходят вниманием и тот факт, что Лист играл для королевы Изабеллы II: его первое появление в королевском дворце, согласно мадридской газете *Heraldo* от 7 ноября 1845 года, анонсировалось как вечер с «сенаторами, депутатами, другими гражданскими властями, дипломатическим корпусом, вельможами и иными знатными приглашенными»¹⁴². Затем, как следует из сообщения *Revista de Teatros*, королева наградила его Крестом Карла III и подарила усеянную драгоценными камнями и необыкновенно дорогую брошь¹⁴³. Лина Раман пишет о казусе, который едва не произошел в этот день: «Когда условия концерта были оговорены, и виртуоз был ознакомлен с предписаниями этикета, он вдруг озадачил придворных следующим вопросом: “А меня представят?” “Нет, представление исполнителя противоречит испанскому придворному этикету”, – последовал ответ. “Тогда я не играю”, – сказал он просто и решительно. Тогда мать будущей императрицы Евгении... берёт на себя роль посредника между ним и королевой Изабеллой, и перед концертом в одном из личных апартаментов он был представлен... членам королевской семьи – высокая честь, до тех пор не предоставлявшаяся испанским двором ни одному другому художнику»¹⁴⁴.

Вообще же суммы вознаграждения, полученного Листом за концерты в Испании, буквально «зашкаливали». Так, за каждый из четырех вечеров в мадридском театре *Circo*, он, как сообщала *Revista de Teatros*, получил астрономическую сумму – 2.000 франков. А билет на его концерт во дворце Вильяэрмоса стоил приблизительно 40 реалов¹⁴⁵.

Создается впечатление, что Лист был скорее воодушевлен, чем раздражен таким экзальтированным приемом на Пиренеях. В начале 1845 года он писал: «Мне не удалось покинуть Испанию, и дело в том, что от добра добра не ищут... Я не посылаю вам отчеты о моих мирных победах на арене Мадрида и в других местах, потому что вы знаете, что существуют определенные вещи, причем очень простые, которые я не могу делать»¹⁴⁶. Правда, как писала Лина Раман, по пути из Кадиса в Гибралтар корабль, на котором плыл Лист, попал в сильный морской шторм; буря утихла, «однако рядом с большим концертным успехом поднимались волны наслаждений, которые его здесь убаюкивали»¹⁴⁷. Лист не хотел покидать Испанию и задержался тут вопреки собственным первоначальным планам – впрочем, чуть позднее, но уже по другим причинам, точно так же поступил и Глинка (комм. 36)!

Следует заметить, что высокие круги, да и концертная публика Испании не уделили Глинке и сотой доли того энтузиастического внимания, которое выпало

¹⁴⁰ *Ramann, Lina. Franz Liszt. Als Künstler und Mensch. Band 2.1. Leipzig, 1887. S. 244.*

¹⁴¹ Л. Раман отмечает: «Семь концертов, данных... в *Teatro del Circo*, сопровождалось южным колоритом фанатичного возбуждения и одновременно испанского *Grandeza* (очевидно, преувеличения, грандиозности. – С. Т., Г. К.). За каждым прозвучавшим произведением следовали неистовые аплодисменты, и призыв *Da Capo* («бис») звучал непременно. В промежутках производились различные акции с почестями, как то преподнесение цветов, лаврового венка, возлагаемого четырёхлетним малюткой, прославляющие речи, стихи, прочитанные поэтами, тысячеголосые возгласы “*vivam!*”. – *Ramann, Lina. Franz Liszt... Op.cit. S. 245.*

¹⁴² *Stevenson Robert. Liszt at Madrid and Lisbon... Op.cit. P. 498.*

¹⁴³ *Ibid.*

¹⁴⁴ *Ramann, Lina. Franz Liszt... Op.cit. S. 245.*

¹⁴⁵ *Stevenson Robert. Liszt at Madrid and Lisbon... Op.cit. P. 495, 496.* Справедливости ради заметим, что Лист, «как и в своих предыдущих поездках, значительную часть доходов оставляет городам, содействуя гуманным и щедрым целям». – *Ramann, Lina. Franz Liszt... Op.cit. S. 248.*

¹⁴⁶ *Letters of Franz Liszt / Letters collected by La Mara and translated by Constance Bach. Vol. 2: From Rome to the End. BiblioBazaar, LLC, 2009. P. 468.*

¹⁴⁷ *Ramann, Lina. Franz Liszt... Op.cit. S. 247.*

на долю Листа. И на то были вполне веские причины. Как справедливо отмечает Р. Стивенсон, «Лист был первым и одновременно величайшим пианистом-виртуозом, который путешествовал по Пиренейскому полуострову»¹⁴⁸. вполне понятно, что все те, кто устремился туда вслед за ним, – и среди них Глинка (а ведь были еще и Тальберг, и Готшалк!) – даже десятилетия спустя оценивались в обязательном сравнении с эталоном, коим стал Лист¹⁴⁹! Да, кроме всего прочего, Глинка-то никогда и не был пианистом-виртуозом...

С другой стороны, ведь не случайно сравнивал Асафьев «две глубоко артистические (в смысле вкуса к жизни и поклонения красоте ее), но столь различные натуры, как Лист и Глинка»¹⁵⁰. Шумный успех был столь же желанным для Глинки, сколь и претил ему. А вот о Листе Вяземский сказал в стихотворении, специально обращенном к великому композитору и пианисту: «Поэт и выпренный посол!»¹⁵¹. Хотя в целом стихотворение искрится восхищением перед замечательным гением!

Конечно же, Глинка не мог не интересоваться поездкой Листа, уже будучи в Испании. Нет сомнения, что разговорами об этом примечательном событии в те месяцы полнилась вся страна. Более того: Михаил Иванович, безусловно, встречался с непосредственными свидетелями листовских триумфов – таковых он нашел и в Мадриде (пианист Хуан Мария Гельбенсу или композитор Себастьян Ирадьер), и, возможно, в Кордове, и, конечно же, в Севилье (к примеру, органист Эухенио Гомес)¹⁵². Весьма вероятно, что речь заходила и о впечатлениях Листа от Испании. Трудно сказать, какие чувства вызывали эти разговоры у Глинки: заинтересованность, творческую ревность или отторжение? Но, может быть, и то, и другое, и третье сосуществовало в рефлексиях русского композитора.

Однако было, пожалуй, главное, что могло объединить вокруг себя авторов «Арагонской хоты» и «Испанской рапсодии», – это неподдельный интерес к испанской национальной музыке. О слушательских приоритетах Глинки в Испании мы еще скажем, но ведь и Лист наслаждался красотой и необычностью здешних мелодий. Известно, например, что он слушал андалузские и цыганские песни, исполненные певицей Рохас «с совершенной грацией и элегантностью»¹⁵³. И не случайно ведь так поражает сходство музыкальной образности и даже конкретных музыкальных тем в «Испанских увертюрах» Глинки с одной стороны и в «Большой концертной фантазии» или в «Испанской рапсодии» Листа – с другой (см. комм. 23, 25).

Подводя итог поискам источников испанских страниц глинкинских «Записок», нельзя не заметить достаточно парадоксальное высказывание их автора, относящееся ко времени, когда он уже успел вполне узнать страну Дон Кихота: «...Большая часть существующих описаний путешествий по Испании... полна выдумок и преувеличений...»¹⁵⁴. Неожиданно эта мысль резонирует с сентенцией современного «реконструктора» испанской повседневности золотого века, М. Дефурно: «Несомненно, следует с недоверием отнестись к бесчисленным литературным свидетельствам, рисующим нам лицевую и оборотную стороны общества того времени и, возможно, зачастую искажающим действительность, представляя нам как “повседневное” то, что, напротив, привлекало внимание своей неординарностью. Следовательно, использование этих свидетельств имеет смысл только при условии их постоянного сопоставления с другими, документальными,

¹⁴⁸ *Stevenson Robert. Liszt at Madrid and Lisbon... Op.cit. P. 493.*

¹⁴⁹ Воспоминания о визите Листа сохранялись в Испании на протяжении ещё двух поколений. – См.: *Tomás Fernández Mauricio. Liszt y España. Op.cit.*

¹⁵⁰ *Игорь Глебов. Франц Лист... Цит. изд. С. 18.*

¹⁵¹ «Листу» (1842).

¹⁵² Комм. 23, 76, 78.

¹⁵³ *Revista de Teatros* от 26 ноября 1845. – Приведено по: *Stevenson Robert. Liszt at Madrid... Op.cit. P. 500.*

¹⁵⁴ ПСС. Т. IIА. С. 254.

источниками»¹⁵⁵. Надо полагать, что и Глинка, подобно рассказчику из книги Дефурно, «не удержался от того, чтобы расспросить людей, достойных доверия, о том, чего не смог увидеть сам, и о том, что могут знать только те, кто родился, вырос и живет в этих краях»¹⁵⁶. Именно поэтому Михаилу Ивановичу нужно было ориентироваться не только на травелоги, безусловно, попадавшие в его руки, но и больше доверяться собственным глазам и ушам. И он с успехом это делал, ежедневно и с большим вниманием общаясь с выходцами из самых разных социальных слоёв и регионов Испании, включая сюда, конечно, музыкантов-профессионалов устной традиции, народных исполнителей (Мурсиано, Планета), и, безусловно, с блестящим кругом испанских художников-романтиков. В последнем случае ограничимся лишь теми именами, которые в биографии Глинки не вызывают сомнений и преимущественно подтверждены документально: это актеры и театральные деятели (Хулиан Ромеа, Матильда Диес и, возможно, Карлос Латорре, Хосе Валеро и Барбара Ламадрид), художники (Хенаро Перес Вильямиль и Мануэль Кастельяно), композиторы и музыканты-исполнители (Себастьян Ирадьер, органист и композитор Эухенио Гомес, пианист Хуан Гельбенсу, певица София Вела¹⁵⁷), наконец, писатели, поэты и драматурги (Виктор Балагер, Хосе Сорилья-и-Мораль и др.¹⁵⁸).

Однако ни в «Записках», ни в письмах Глинки мы не обнаруживаем сведений о каких-либо контактах с путешественниками, писавшими об Испании. И если с Боткиным испанские дороги Глинки совпадали в пространстве, но не во времени (разница могла ограничиваться буквально месяцем), то как минимум три знаменитых романтика очутились с русским композитором в одно время и в одном месте – это Ирвинг, который с 1842-го по 1846 год был послом США в столице страны, Мадриде¹⁵⁹, Дюма и Готье, присутствовавшие, как и Глинка, в испанской столице на многодневных торжествах по случаю «двойного бракосочетания» – свадеб испанской королевы Изабеллы II и ее младшей сестры, инфанты Марии-Луизы-Фердинанды (октябрь 1846-го)¹⁶⁰. Однако удивительно то, что ни о ком них Глинка ни в мемуарах, ни в письмах даже не упоминает. Из чего можно заключить, что русский композитор так и не повстречался на Пиренейском полуострове ни с кем из своих выдающихся современников. Мало того, возникает обоснованное сомнение в том, знали ли они вообще о существовании русского композитора по фамилии Глинка? То есть, вероятно, случилось своеобразное *déjà vu* ситуации его общения, описанной нами во II части «Странствий Глинки» (в главе «История несостоявшихся встреч»). Конечно, дело состоит и в том, что статус Глинки-путешественника, как и мера его европейской популярности, значительно отличались и от положения профессионального дипломата, в котором находился В. Ирвинг, к тому же уже широко известный читающей Европе, и от Т. Готье или А. Дюма – писателей с поистине мировой славой. Однако кажется, что и личные качества Михаила Ивановича тоже сыграли тут свою

¹⁵⁵ Дефурно Марселен. Повседневная жизнь Испании золотого века. М., 2004. С. 14. Аналогичного мнения придерживается и испанский музыковед А. Каньибано, замечавший, что в книгах о путешествиях в Испанию 30–40-х годов XIX в. «заметен интерес к испанской литературе, истории, ко всему красочному и яркому в фольклоре: танцам, песням, а также таким популярным типажам, как махи, манолы, цыгане, тореро, контрабандисты и т. д.; вся эта Испания, наполовину вымышленная, наполовину реальная (выделено нами. – С. Т., Г. К.), представавшая в книгах путешественников, – питала романтическое воображение читателей и художников». – Каньибано А.А. М.И. Глинка в Испании (1845–1847) // М.И. Глинка. К 200-летию со дня рождения: М-лы научных конференций: В 2-х т. Т. 1. Цит. изд. С. 72.

¹⁵⁶ Дефурно Марселен. Повседневная жизнь Испании золотого века. Цит. изд. С. 16–17.

¹⁵⁷ Среди музыкантов – вероятных знакомых русского композитора называют также директора музыкальной секции художественного и литературного Лицея Родригеса Ледесму и баса Франсиско де Салас, мужа знаменитой актрисы Барбары Ламадрид, а также еще нескольких известных музыкальных деятелей. – Los Papeles españoles de Glinka. 150 aniversario de su viaje a España. 1845–1847. Madrid, Edición a cargo A. Álvarez Cañibano, [1996]. P. 15.

¹⁵⁸ Предположение о возможности знакомства Глинки с Сорильей высказывается в: Los Papeles españoles de Glinka. Op.cit.

¹⁵⁹ Срок его дипломатической службы в Испании завершился в конце июля 1846 года.

¹⁶⁰ В «Записках» Глинка в нескольких строках описывает эти празднования и подчеркивает, как спешил в Мадрид, чтобы стать их очевидцем (комм. 72, 73).

роль. Примечательно, что в заметке из журнала «Иллюстрация», вышедшего 1/13 марта 1847 года, автор сетовал по поводу Глинки: «Мы... не можем не пенять... нашим композиторам, что они не могут отучиться от нашей русской скромности»¹⁶¹. И, может быть, самое главное: возможно, установление всякого рода «целевых» контактов вообще воспринималось Глинкой в то время как излишняя суета, отвлекавшая от чего-то более важного? Но что же в таком случае являлось его целью?

Представляется, что эта цель лежала тогда вдалеке от традиционных представлений о количественных и даже качественных творческих показателях, от задач *promotion*, то есть продвижения собственных сочинений и персоны, даже от желания накопить материал для дальнейшего музыкального освоения. Хотя, конечно, вовсе не игнорировала их. Но вот что главное: отправляясь в Испанию, Глинка вёз свою душу трудиться, потому что важнейший стимул для путешествия на этот раз был – душу впечатлениями кормить; тогда она и пела, и звенела то «Вальсом-фантазией», то «Камаринской», то «Испанскими увертюрами». Ему вовсе и не надо было научиться сочинять в духе фламенко или канте-хондо (да это, наверное, не стало бы проблемой – при его-то гениальной чуткости к «чужой» музыке!). Но музыкальная Испания как-то не сразу, незаметно для постороннего уха эмоционально влилась в его темпы, контрасты, разливы и разлёты мелоса. И если Италия совершенно осязаемо повлияла на стиль Глинки, на его мелодику и вокал (один «Руслан» чего стоит¹⁶²!), то Испания (если в данном случае, конечно, не принимать во внимание «Испанские увертюры») – скорее на общий душевный настрой, на темпоритм, движение, на само дыхание его музыки (об этом подробнее – Глава II). Описать эту «трудную праздность» в прозе почти невозможно, поэтому пускай о ней расскажет поэт:

Писать мне часто нет охоты,
Писать мне часто недосуг:
Ум вянет от ручной работы,
Вменяя труд себе в недуг;
Чернильница, бумага, перья —
Всё это смотрит ремеслом;
Сидишь за письменным столом
Живым подобьем подмастерья
За цеховым его станком.
Я не терплю ни в чем обузы,
И многие мои стихи —
Как быть? – дорожные грехи
Праздношатающейся музы.
Равно движенье нужно нам,
Чтобы расторгнуть лени узы:
Люблю по нивам, по горам
За тридевять земель, как в сказке,
Летать за музой по следам
В стихоподатливой коляске

П.А. Вяземский. Коляска
(Отрывок из путешествия, в стихах)

¹⁶¹ Иллюстрация. 1847. № 8. – Цит. по: Летопись жизни и творчества М.И. Глинки... Цит. изд. С. 335. «Скромным путешественником» называет русского композитора и испанский музыковед А. Каньибано. – *Los Papeles españoles de Glinka...* Op.cit. P. 25–26. О причинах подобного поведения Глинки см.: Тышко С. PR романтической эпохи: русская версия в исполнении М.И. Глинки // Музичне мистецтво і культура. Науковий вісник. Вип. 7. Кн. 2. Одеса, 2006. С. 138–149.

¹⁶² См. подробнее: Тышко С. Динамические компоненты национального стиля в опере М.И. Глинки «Руслан и Людмила» // Київське музикознавство. Вип. 16: Культурологія та мистецтвознавство. К., 2004.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асафьев Б.* Глинка. – М., 1950.
- Біленький С.* Мандрувати й описувати: биті шляхи культури під імперським поглядом // Критика. 2001. № 6.
- Боткин В.П.* Письма об Испании / Издание подг. Б. Егоров, А. Звигильский. – Л., 1976.
- Вайль П.* Гений места. – М., 2001.
- Воннегут К.* Времятрясение. – М., 2000.
- Глебов Игорь.* Франц Лист. Опыт характеристики. – Петроград, 1922.
- Глинка М.* Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка: В 2-х тт. – М., 1973–1977.
- Гумилёв Н.* Теофиль Готье // Гумилёв Н. Письма о русской поэзии. – М., 1990.
- Дефурно М.* Повседневная жизнь Испании золотого века. – М., 2004.
- Дюма А.* Собр. соч.: В 100 тт. Т. 68: Из Парижа в Кадис / Пер. Е. Ландсберг, М. Яковенко. Комментарии М. Яковенко, Е. Ландсберг. – М., 2007.
- Звигильский А.* Творческая история «Писем об Испании» // Боткин В. П. Письма об Испании. – Л., 1976.
- Ирвинг В.* Альгамбра. – М., 1979.
- Костюкович Е.* Еда: итальянское счастье. – М., 2007.
- Левашева О.* Михаил Иванович Глинка: В 2-х тт. – М., 1988. Т. 2.
- Летопись жизни и творчества М.И. Глинки / Сост. А. Орлова.* – М., 1952.
- Мериме П.* Письма из Испании // Собр. соч.: В 4-х тт. М., 1983. Т. 2.
- Мортон Г.В.* Прогулки по Испании. От Пиренеев до Гибралтара. – СПб., 2009.
- Пичугин П.* Глинка и Испания // Альманах / Редактор-составитель М.П. Рахманова. Вып. 2. – М., 2003.
- Соллогуб В.* Пережитые дни. Рассказы о себе по поводу других // Соллогуб В. Повести. Воспоминания. – М., 1988.
- Сомов В.* Несколько книг из личной библиотеки Глинки (Из опыта разысканий в Российской национальной библиотеке // Новоспасский сборник. Вып. 1: М.И. Глинка. Личность. Музыка. История. – Смоленск, 2005.
- Тышко С.* Проблема национального стиля в оперном творчестве Глинки. «Руслан и Людмила» // Очерки по истории русской музыки. – К., 1995.
- Тышко С.* Динамические компоненты национального стиля в опере М.И. Глинки «Руслан и Людмила» // Київське музикознавство. Вип. 16: Культурологія та мистецтвознавство. – К., 2004
- Тышко С.* PR романтической эпохи: русская версия в исполнении М.И. Глинки // Музичне мистецтво і культура. Науковий вісник. Вип. 7. Кн. 2. – Одеса, 2006.
- Тышко С., Мамаев С.* Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Ч. 1: Украина. К., 2000; переизд. – К., 2005.
- Тышко С., Мамаев С.* Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Ч. II: Глинка в Германии, или Апология романтического сознания. – К., 2002.
- Handbook for Travellers in Spain by Richard Ford. Part I – II. Third edition.* – London: John Murray, 1855.
- Höllhuber D., Schäfke W.* Der Spanische Jakobsweg. Landschaft, Geschichte und Kunst auf dem Weg nach Santiago de Compostela. – DuMont Verlag, 2004.
- Los Papeles españoles de Glinka. 150 aniversario de su viaje a España. 1845–1847.* Испанские заметки Глинки. 150-летию путешествия М.И. Глинки по Испании. Madrid, Edición a cargo A. Álvarez Cañibano. [1996].
- Ramann, L.* Franz Liszt. Als Künstler und Mensch. Band 2.1. – Leipzig, 1887.
- Stevenson R.* Liszt at Madrid and Lisbon: 1844–45 // The Musical Quarterly. Vol. 65. No. 4. Oct., 1979.
- Tomás Fernández M.* Liszt y España // Revista de Musicología. XVI (1993), nº 3.